

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ
ПЪРВЫЙЪ ГОЛИЦЫНЪ 47
ОПЫТЪ ИСТОРИИ
ДЕНЕЖНЫХЪ ЗНАКОВЪ
ВЪ РОССИИ.

—
Часть I.

ПЕРВЫЙ НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЪ.

Денежные знаки въ Россіи при Ярославѣ I и ранѣе.

КУНЫ.

*„Оже ся гдѣ буду описалъ или
„переписалъ или не дописалъ, чтите,
„исправляя Бога дѣля, а не кня-
„дите, занеже книги вѣщаны, а уль
„молодъ, не дошелъ“.*

Мнихъ Лаврентій.

М. С. Левшиновскій.

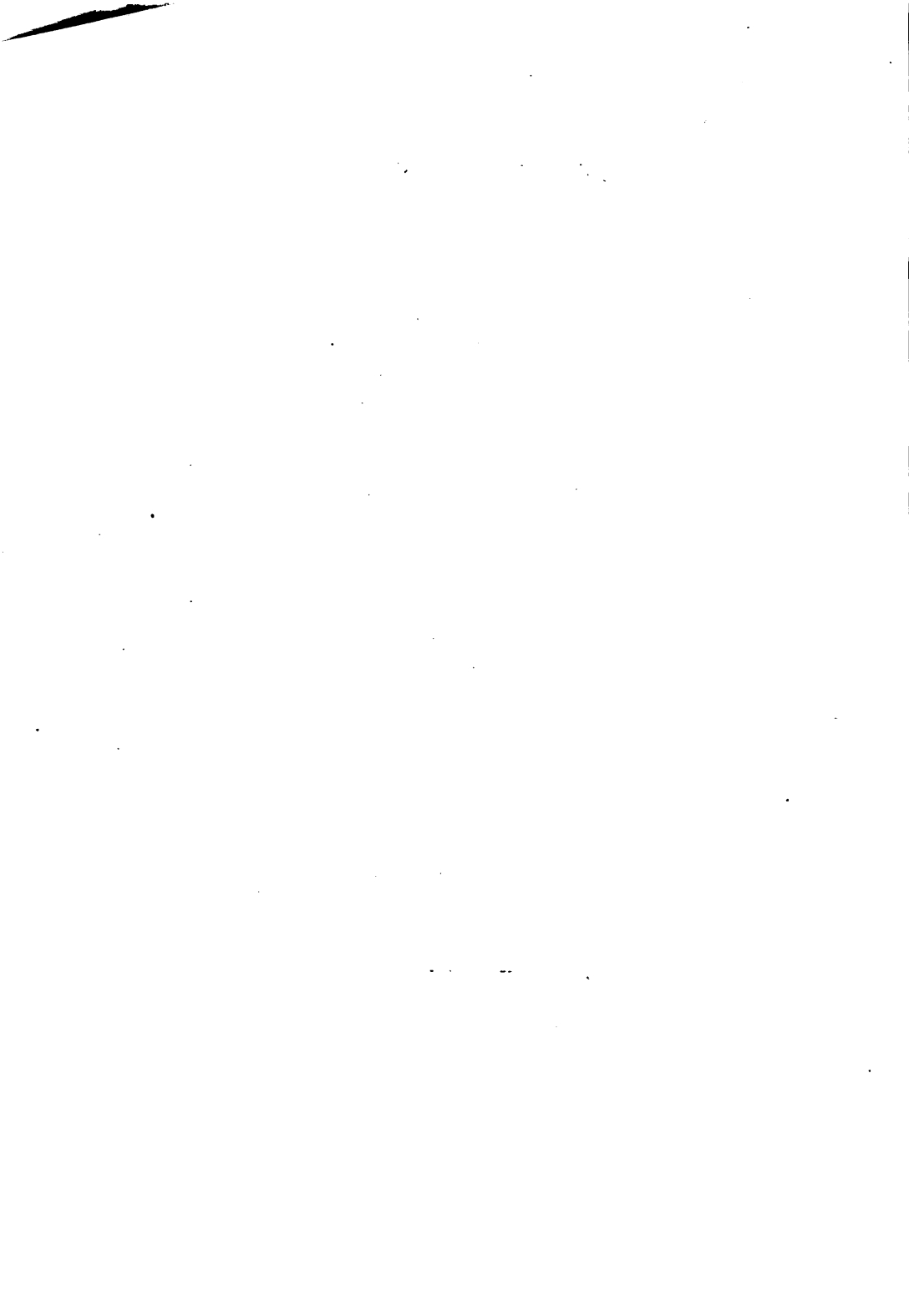

МИНСКЪ.
Типографія С. А. Некрасова.
1903.

Дозволено цензурой. Видно, 29 августа 1903 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ЧАСТИ.

	<i>Стр.</i>
Вмѣсто предисловія	I—XI
Глава I. Русь до введенія денежныхъ знаковъ	1
„ II. Первые денежные знаки кунъ. Что такое кунъ?	14
„ III. Происхожденіе слова гривна и перечень названій первыхъ русскихъ денежныхъ знаковъ	27
„ IV. Куна, ногата и рѣзанъ—это „кунъ“, а гривна и полугривна—это гривна-кунъ и полугривна-кунъ. Вѣверица или вѣкша. Какихъ звѣрьковъ шкурки назывались кунами?	36
„ V. Куна есть шкурка куницы; ногата—шкурка соболя; рѣзанъ—шкурка горноста; вѣкша или вѣверица—шкурка вѣкши	49
„ VI. Княжеская мѣховая казна; сортировка и оцѣнка мѣховъ. Фабрикація кунъ-единцовъ и гривень-кунъ. Числительный составъ гривень-кунъ и сравнительная цѣна кунъ-единцовъ	62
„ VII. Что такое вѣкша—вѣверица? Сравнительная цѣна вѣкши. Щляги	74
Примѣчанія къ I части	84

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Прошло уже 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Ф. Кругъ въ „Предисловіи“ къ своему сочиненію „Критическія разысканія о древнихъ русскихъ монетахъ“ писалъ: „Нигдѣ Историки, въ опредѣленіи цѣны встрѣчающихся въ отечественныхъ лѣтописяхъ денежнымъ суммамъ, столько не удаляются одинъ отъ другаго, какъ у насъ; потому единственно, что сія часть (русская нумизматика въ обширнѣйшемъ смыслѣ) почти совсѣмъ еще необработана“.

И въ настоящее время каждый, знакомый съ литературой древнихъ русскихъ денежныхъ знаковъ, долженъ придти къ тому же печальному заключенію. Одни изслѣдователи въ древнѣйшихъ нашихъ денежныхъ знакахъ—*кунахъ*, видятъ кожаные лоскутки, другіе,—металлическую монету, кто диргемы, а кто динары и т. под., и только очень немногіе признаютъ ихъ за цѣльныя шкурки куницъ и векшъ.

По моему мнѣнію такое смѣшеніе понятій и опредѣленій происходитъ оттого, что изслѣдователи разсматриваютъ наши древніе денежные знаки не въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, и не придаютъ значенія мѣсту ихъ появленія. Между тѣмъ, если при изслѣдованіи соблюдать эти условія, то многое непонятное станетъ понятнымъ, вслѣдствіе чего явится возможность разобраться и опредѣлить: которые денежные знаки есть русскіе, государственные,

и которые—иноземные, но допущенные къ обращенію въ той или другой части Россіи.

За тѣмъ русскіе денежные знаки должны разсматриваться въ связи съ исторіей русскаго народа. Это говорю на основаніи слѣдующаго соображенія:

Что бы образовать такое государство, какимъ была Россія въ X вѣкѣ, нужно было сплотить и слить въ одну общую массу разрозненныя и другъ другу враждебныя племена Россійскихъ Славянъ и сосѣднія съ ними не славянскія мелкія народности; для этого потребовалось совокупное участіе такихъ факторовъ, какъ: княжеская власть, законы, языкъ и *денежные знаки*.

Всѣ эти факторы,—за исключеніемъ денежныхъ знаковъ,—были мало чувствительны къ историческимъ событіямъ; даже нашествіе Батыя осталось почти безъ всякаго вліянія на нихъ.

Иное дѣло денежные знаки; обладая чрезвычайной чувствительностью къ историческимъ событіямъ, они своими измѣненіями рѣзко обозначили всѣ главнѣйшіе періоды Русской исторіи.

Поэтому русскіе денежные знаки,—это исторія Русскаго народа. Что бы убѣдиться въ этомъ, взглянемъ на *историческую Русь*, которою первоначально будетъ Новгородская область.

Съ призваніемъ Варяговъ въ Новгородской области появляется внутренняя и внѣшняя торговля.

А гдѣ есть внѣшняя торговля, тамъ есть и денежные знаки.

Денежные знаки въ Россіи появились раньше писанныхъ законовъ (Русской Правды) и раньше христіанства, въ этомъ убѣждаетъ насъ лѣтописецъ Несторъ, который подъ 882 годомъ повѣствуетъ, что „Олегъ

устава Варягомъ дань даяти,—отъ Новгорода по 300 *гривенъ* на лѣто“.

Упоминаемыя здѣсь *гривны*,—это денежные знаки, которые появляются въ 882 году, или ранѣе; послѣднее будетъ болѣе согласно съ логикой исторіи, ибо въ этомъ же 882 году Олегъ переноситъ великокняжескій столъ изъ Новгорода въ Кіевъ. Это обстоятельство даетъ право изслѣдователю къ вышесказанному добавить, что денежные знаки впервые появились въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ.

Какіе же это были денежные знаки?

Въ Новгородской области, какъ теперь, такъ и въ старину, золотыхъ и серебрянныхъ розсыпей не было, поэтому Новгородцы въ IX и X вѣкѣ своего золота и серебра не имѣли.

За тѣмъ, новгородцы,—живя въ странѣ съ суровымъ климатомъ, среди болотъ и лѣсовъ,—скотоводствомъ не занимались, а потому домашнимъ скотомъ были бѣдны. Слѣдовательно, у Новгородцевъ домашній скотъ не могъ изображать собою денежныхъ знаковъ, какъ напр. у древнихъ Грековъ, которые были народомъ пастушескимъ.

По свидѣтельству иноземныхъ писателей, у Русскихъ „быковъ, лошадей и овецъ совсѣмъ нѣтъ; они начали покупать ихъ у Печенѣговъ, и съ тѣхъ поръ зажили лучше“ (Константинъ Богр.). „Рабочаго скота у Русскихъ мало“. (Ибнъ Даста). Да и Вел. князь Святославъ говоритъ, что серебро и *кони* онъ получаетъ „изъ Чеховъ и изъ Угоръ“. Вообще о торговлѣ скотомъ въ Россіи—нѣтъ извѣстій. „Единственный промыселъ Русскихъ,—это торговля соболями, бѣличьими и другими мѣхами“ (Ибнъ Даста, X вѣк.).

Но лѣса и болота, среди которыхъ жили Новго-

родцы, изобиловали всякимъ пушнымъ звѣремъ, почему Новгородцы, — занимаясь охотой и звѣроловствомъ, — были богаты *шкурками пушныхъ звѣрей*. Если же ко всему этому добавить громадность разстояній и отсутствіе удобныхъ путей въ тогдашней Россіи, то всякому станетъ понятнымъ, что Новгородцы въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ, какъ между собою, такъ и съ иноземцами, вмѣсто денегъ употребляли не *скотъ*, а *шкурки* пушныхъ звѣрей, которыя, обладая, сравнительно, высокою рыночною цѣною, были по вѣсу легки, по объему — не велики, почему ихъ, подобно монетѣ, было легко и удобно носить, передавать изъ рукъ въ руки и перемѣщать даже на очень большія разстоянія.

И такъ, въ Россіи первыми денежными знаками были шкурки пушныхъ звѣрей, именно: шкурки обыкновенной *куны* (куницы), черной *куны* (соболя) и бѣлой *куны* (горностая), поэтому и денежные знаки стали называться *кунами*.

Въ 980 году, по взятіи Кіева, пришли Варяге наемники къ Владиміру и сказали: „се градъ (Кіевъ) нашъ, мы пріяхомъ и, да хотимъ имати окупъ на нихъ, Кіевлянахъ, по 2 *гривны* съ человѣка. И рече имъ Володиміръ: пождите вы, дажь *куны* сберутъ за мѣсяць“ (лѣтописецъ).

Здѣсь „*гривны*“, — это *куны*.

А слѣдовательно, и „300 *гривень*“, которыя Олегъ установилъ братъ ежегодно съ Новгорода, также были *куны*.

„Главное богатство Русскихъ составляетъ куній мѣхъ. Чеканной монеты своей у нихъ нѣтъ; звонкую монету замѣняютъ куньи мѣха“. (Ибнъ Даста. X вѣкъ).

Слѣдовательно, *куны* были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ и имѣли названія: *куна*, *ногата*, *рѣзанъ*, *векша* или *въверица*, *гривна* или *гривна-кунъ* и *полугривна* (Рус. Правда).

Въ 882 году „поиде Олегъ, поимъ Игоря, изъ Новагорода къ Къеву... И сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ“.

Съ перенесеніемъ великокняжескаго стола въ Кіевъ, Русскіе пришли въ соприкосновеніе съ Византіей и Азіатскимъ Востокомъ, познакомились съ золотомъ и научились цѣнить его.

Между Русскими золото сначала обращалось въ видѣ иноземной монеты, подъ названіемъ—*золотники*. (Въ договорѣ Игоря съ Греками есть такое выраженіе: „да возметъ отъ него *золотника* два *имъчнаго*“ . Ипатск. лѣт.); а затѣмъ появляются и *гривны золота*, т. е. *слитки*.

Первое извѣстіе о золотѣ въ денежномъ смыслѣ,— не считая договоровъ съ Греками,—мы имѣемъ въ лѣтописи подъ 1016 годомъ, именно: Ярославъ на вѣчѣ говоритъ Новгородцамъ: „Люба моя Дружина, юже изъсѣковъ вчера вбезуміи моемъ, не топерво ли ихъ *золотомъ* окупити“. А въ завѣщаніи Владиміра Мономаха (1078 г.) и въ лѣтописи подъ 1097 годомъ уже ясно говорится о *гривнѣ золота*, напр. „Давыдъ иде въ Ляхи къ Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помогати и взяша у него *злата ѿ гривенъ*“ . (Софійск. врем.).

Но серебра на Руси въ народномъ обращеніи еще нѣтъ: у Великаго князя на пиру гости и дружина ѣдятъ деревянными ложками.

„Ни въ Русской Правдѣ, ни въ Несторовой лѣтописи нѣтъ слова о гривнѣ серебра; вездѣ говорится

или просто о гривнѣ (кунь), или о гривнѣ золота“.
(Карамзинъ).

Умираетъ Ярославъ I; на Руси устанавливается удѣльная система. Между Русскими князьями начинаются безконечныя междоусобныя войны за великокняжескій столъ и удѣлы. Половцы усиливаются и перенимаютъ у Русскихъ все торговые пути, что вмѣстѣ съ княжескими усобицами прекращаетъ торговлю съ Греками. А съ прекращеніемъ греческой торговли, прекращается и приливъ золота въ Россію. Между тѣмъ враждующимъ Русскимъ князьямъ для найма союзниковъ требуется золото и серебро. Западная Европа золота не имѣетъ; является усиленный спросъ на серебро. Серебро дорожаетъ, а цѣна кунь быстро падаетъ. Въ Западной Европѣ въ общемъ употребленіи зильберъ-марки (Marka Silber),—это слитки серебра вѣсомъ въ 48 золотниковъ. И Русскіе вводятъ у себя такой же денежный знакъ, но называютъ его *гривной серебря*.

Первое извѣстіе о *гривнахъ серебра* мы имѣемъ въ лѣтописи подъ 1144 годомъ: „И вда Всеволоду Володимирко за трудъ 1000 и 400 *гривень серебра*“. Затѣмъ извѣстія о гривнахъ серебра становятся очень часты, причѣмъ это сложное названіе часто замѣняется простымъ словомъ: „*серебро*“ или „*сребро*“.

Гривны золота и гривны серебра по своей высокой цѣнѣ для простаго народа были недоступны; народъ въ своемъ повсѣдневномъ обиходѣ продолжалъ пользоваться *кунами*, такъ напр. во Псковѣ „осминка ржи великая по *Ѣ рязань*“ (1137 г.), а въ Новгородѣ „купляху кадь ржи по *Ѣ гривны* (кунь), а хлѣбъ по *Ѣ ногать*, а медь по *Ѣ кунь*“. (1170 г.).

Въ первой четверти XIII вѣка появляются Монголы, и единство Россіи нарушается.

Послѣ монгольскаго разгрома Сѣверо-Западная и Юго-Западная Русь отдѣляются отъ Сѣверо-Восточной Россіи и образуютъ *Литовскую Русь*, причемъ Кіевъ,— опустошенный княжескими усобицами и въ конецъ раззоренный Татарами,—перестаетъ быть главою русскихъ городовъ и мѣстопребываніемъ Великаго князя Россіи.

Новгородъ со своими пригородами подъ защитой непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ,—избѣжалъ монгольскаго погрома и,—пользуясь слабостію Великихъ князей Суздальскихъ,—обособляется отъ Восточной Россіи въ особую Новгородскую область.

А Восточная Русь—(Суздальская-Московская), обложенная тяжелою данью, стала ханскимъ Улусомъ. И не смотря на это, вся историческая жизнь Русскаго народа сосредоточилась въ ней.

Расчлененіе Россіи прежде всего отразилось на ея денежныхъ знакахъ, ибо этимъ расчлененіемъ единство русской денежной системы было нарушено.

Такъ, Литовская Русь подъ вліяніемъ своихъ западныхъ сосѣдей, въ особенности Польши и Литвы, приняла ихъ денежные знаки: *гроши* и *пенязи*; а такіе города, какъ напр. Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ,—сдѣлавшись членами Ганзейскаго союза,—кромѣ грошей и пенязей, ввели у себя еще и денежные знаки, обращавшіеся въ г. Ригѣ, напр.: *Любецкій* (пфенингъ,) множ. число *Лобцы*, *изрои*, *корное серебро*, *заушни*, *долгзы*, *оври* и т. д. (Русско-Ливонскіе акты №№ XLIX, LXXIV и др.).

А Новгородъ какъ городъ Ганзы, и вслѣдствіе развитія пограничнаго мелочнаго торговаго съ Лит-

вой, Эстами, Финами, Корелой и другими сосѣдными племенами, принялъ ихъ денежные знаки: *долги, мордки, лобцы, гроши, артуги* и мн. др., и допустилъ ихъ къ обращенію въ своей области наравнѣ съ русскими деньгами.

Между тѣмъ Суздальская-Московская Русь,—сдѣлавшись данницей Монголовъ,—по неволѣ должна была свою денежную систему приспособить къ Ордынскимъ требованіямъ, что, въ концѣ-концовъ,—привело къ установленію въ XIV вѣкѣ новой денежной системы, ставшей съ XV вѣка до 1700 года *обще-русскою государственной системой*.

Такъ новгородскій лѣтописецъ повѣствуетъ, что вслѣдъ за Новгородомъ, въ 1424 году и „въ Псковѣ деньги сковаша и почаша по всей Руской земли торговати деньгами“ Московскими.

По ходу Русской Исторіи мы знаемъ, что Суздальская-Московская Русь легла въ основу современной намъ Россійской Имперіи, поэтому денежная система Суздальской-Московской Руси,—ставшая съ XV вѣка обще-русскою,—должна быть признана *Русской Государственной денежной системой*, а денежные знаки, ее составлявшіе, должны быть признаны *Русскими Государственными денежными знаками*.

А денежные знаки Литовской Руси и Новгородской области, которые не входили въ Русскую государственную денежную систему, должны быть признаны *Провинціальными денежными знаками*, собственными всякой крайнѣ. Такъ и въ настоящее время, напр. въ Финляндіи, обращаются *пенни, марки*, а въ Туркестанѣ— *коканы, тилло* и т. д. Эти денежные знаки, и имъ подобные, на окраинахъ принимаются въ уплату государственныхъ податей; но на

этомъ основаніи можно ли назвать ихъ *Государственными денежными знаками*? по моему мнѣнію, нельзя, ибо они къ повсемѣстному обращенію въ Россіи не допускаются, Поэтому они есть только *Провинціальные* денежные знаки, свойственные всякой окраинѣ, Кавказу, Польшѣ и т. д.

На основаніи всего вышеизложеннаго нумизматъ и историкъ, интересующіеся денежными знаками, обращающимися въ Россіи послѣ монгольскаго разгрома, свои изслѣдованія должны начинать съ Суздальской-Московской Руси.

А въ ней относительно денежныхъ знаковъ произошло слѣдующее:

Татары, переписавъ Русскій народъ, обложили его тяжелою данью, въ уплату которой требовали золото и серебро, а *куны* принимать не хотѣли. Отъ неимущихъ, въ замѣнъ золота и серебра, брали все, что хотѣли, до жень и дѣтей включительно. По выраженію лѣтописца, въ то время „живые завидовали спокойствію мертвыхъ“. Народъ терялъ терпѣніе и, временами, кой-гдѣ происходили избіенія сборщиковъ ханской дани, что со стороны татаръ вызывало мечь, выражавшуюся въ частичныхъ разгромахъ русскихъ областей.

Русскіе князья, желая облегчить участь народа и избавить Россію отъ татарскихъ нашествій,—сборъ и доставку ханской дани приняли на себя. Но для выполненія такой задачи требовалось, что бы серебро (золота не имѣлось) сдѣлать доступнымъ для народной массы; для этого: 1) Въ началѣ XIV вѣка гривны серебра были передѣланы *на рубли* и *полтины*; а такъ какъ цѣна гривны-кунъ опредѣлялась по отношенію ея къ гривнѣ серебра, то съ уничтоженіемъ

последней, были уничтожены и *гривны-кунъ*, и въ письменныхъ памятникахъ, относящихся къ Суздальской-Московской Руси, объ нихъ уже болѣе не упоминается, (а такъ же и о гривнахъ золота).

2) Въ началѣ второй половины XIV вѣка,—приблизительно 50 лѣтъ спустя послѣ появленія слитковъ *рублей* и *полтинъ*,—Вел. князь Московскій Димитрій Иванов., исполняя требованіе хана, ввелъ во всеобщее употребленіе на Руси татарскую серебрянную монету *тангу* (по русски—*денгу*, позднѣе—*деньгу*) и мѣдную—*пуло*, (позднѣе—*полупшка*), со счетомъ на *алтыны*, причемъ *серебрянные слитки рубли и полтины были уничтожены*, а названія прежнихъ денежныхъ знаковъ обратились въ *числительныя монеты*:—слово *рубль* стало обозначать число 100; слово *полтина*—число 50; слово *гривна*—число 10, (а алтынъ—число 6).

Съ введеніемъ металлической монеты *куны единицы* (ногаты, рѣзани и куны) *были уничтожены*.

Монголы,—усвоивъ взгляды азіатскаго востока,—къ побѣжденнымъ стали предъявлять такія требованія: „будь моимъ рабомъ и на деньгахъ своихъ изобрази печать мою“.

Вел. князь Московскій Димитрій,—уже съ почетнымъ прозвищемъ „*Донской*“,—и этому требованію долженъ былъ покориться, ибо на его имянныхъ монетахъ мы видимъ арабскую надпись съ именемъ хана Тохтамыша.

Въ послѣдніе годы великокняженія его сына, Василя, и при послѣдующихъ князьяхъ, въ Россіи стали чеканить только чисто-русскую серебрянную монету, безъ арабскихъ надписей и безъ имени хана.

Всѣ владѣтельные Русскіе князья и нѣкоторые

города имѣли право чеканить монету, употребляя свой штемпель.

Но Вел. князь Московскій Іоаннъ III право чеканить монету оставляетъ только за Великими князьями Московскимъ и Тверскимъ и за независимыми городами: Новгородомъ и Псковомъ. Причемъ монета уже чеканится московскимъ штемпелемъ.

По мѣрѣ присоединенія Твери, Новгорода и Пскова къ Московскимъ владѣніямъ, вмѣстѣ со свободой, они теряли и право на чеканку монеты.

Вел. князь Московскій Іоаннъ IV^о устанавливаетъ окончательный типъ для русской монеты, и она,— лишь съ легкими колебаніями въ вѣсѣ, доживаетъ до 1700 года.

Вотъ Государственныя денежныя системы и государственныя денежныя знаки до Петровской Руси! А гдѣ же мордки, долгѣи, лобцы, лапки и т. п. денежныя знаки? подъ которыми подразумѣваютъ кожаные лоскутки.

Ищите ихъ въ Новгородской области и въ Литовской Руси, а въ Суздальской-Московской Руси ихъ не было.

Это моя программа; по этой программѣ составленъ мой трудъ, первую часть котораго я отдаю на судъ любителей Русской старины.

М. С. Левшиновскій.

Глава I.

Русь до введенія денежных знаковъ.

Въ началѣ второй половины IX вѣка Россійскіе Славяне уже вели осѣдлую жизнь и занимались земледѣліемъ, но жили въ простотѣ родового быта; имъ для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей достаточно было личнаго труда членовъ семьи. Такъ, жилище, домашнюю утварь и оружіе,—благодаря ихъ незатѣйливости,—Росс. Славяне дѣлали сами, а поле, лѣсъ и рѣка доставляли имъ въ изобиліи пищу, одежду и разные напитки.

Слѣдовательно, доставляя себѣ все необходимое собственнымъ трудомъ изъ окружающей природы, Росс. Славяне въ чужихъ товарахъ не нуждались, а потому и не имѣли внутренней торговли, ибо „повсемѣстная почти одинаковость произведеній въ странѣ, обитаемой Славянами, сильно препятствовала мѣнѣ: что могли вымѣнивать другъ у друга Поляне и Сѣверяне, Древляне и Дреговичи, Кривичи и Радимичи? Образъ жизни ихъ былъ одинаковъ, одинакія занятія, одинакія потребности, одинакія средства къ ихъ удовлетворенію: у Древлянъ былъ хлѣбъ, медъ, воскъ, звѣриныя кожи, тоже было и у Полянъ и у другихъ племенъ“¹. Поэтому съ полною достовѣрностью можно сказать, что у Росс. Славянъ, до прихода Варяговъ, не только виѣшной, но и внутренней торговли не было.

Геггардъ въ своей „Исторія Славянъ“ пишетъ: „мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о торговлѣ Славянъ Россійскихъ до временъ Рюриковыхъ“².

А гдѣ нѣтъ торговли, тамъ не можетъ быть и денежныхъ знаковъ.

Вотъ въ какомъ положеніи относительно матеріальнаго быта находились Росс. Славяне, когда въ началѣ второй половины IX вѣка между ними поселились Варяги Правители съ ихъ дружинами.

Призваніе Варяговъ для Росс. Славянъ составляетъ событіе чрезвычайной важности: разрозненныя и враждебныя другъ другу Славянскія племена и сосѣднія съ ними мелкія не-Славянскія народности, подъ властію Варяговъ, слились въ одинъ нераздѣльный народъ и образовали новое государство, *Русь*.

Изъ русской лѣтописи мы знаемъ, что ко времени прибытія Варяговъ, Росс. Славяне уже имѣли города: Новгородъ, Ладогу, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ и многіе другіе, но всѣ эти города первоначально строились для защиты отъ враговъ, а не для торговли, или иныхъ цѣлей, что подтверждается самымъ словомъ *городъ*, означющимъ огороженное мѣсто.

По выраженію С. Соловьева, Русь образовалась на дѣвственной почвѣ, на которой исторія и цивилизація другаго народа не оставили никакихъ слѣдовъ, никакихъ преданій, никакихъ учреждений, Русскіе, при содѣйствіи Варяговъ, должны были начать свою историческую жизнь съ однѣми собственными средствами, поэтому въ государственномъ укладѣ вновь народившейся Руси такъ много оригинальнаго, но оригинальнѣе всего,—это русская древняя денежная система, для пониманія которой необходимо, хотя

поверхностно, ознакомиться съ первоначальною внутреннею и внѣшнею торговлею у Русскихъ.

Съ водвореніемъ на Руси Варяговъ-Правителей съ ихъ дружинами, между туземцами образовался многочисленный классъ людей, которые, живя по городамъ какъ воины или княжескіе чиновники, не занимались никакимъ промысломъ, почему все необходимое для своего существованія они должны были получать отъ туземцевъ, вслѣдствіе чего между пришельцами Варягами и туземцами создались такія отношенія, которыя въ скоромъ времени перешли въ торговья.

Такъ на Руси возникла внутренняя торговля, которая въ началѣ, само-собою, была торговлею *мѣншовой*.

Но Варяги были причиною возникновенія на Руси и внѣшней торговли, причемъ города, первоначально выстроенные для защиты отъ враговъ, — съ водвореніемъ Варяговъ, обратились въ болѣе или менѣе значительные торговые центры; ибо города, сдѣлавшіе мѣстопробываніемъ Правителей или ихъ намѣстниковъ, чрезъ то самое стали складочными мѣстами хлѣба, меда, воска, пеньки, льна, шкуръ и т. п. сырья, а также и всякихъ мѣховъ, т. е. такихъ произведеній, которыми туземцы были богаты, и которыми они первоначально уплачивали князю или его намѣстникамъ дани, оброки и всякія другія пошлины, начто указываютъ наши лѣтописи и писцовыя книги; такъ напр. въ 1289 году, когда въ Россіи уже существовали денежные знаки, Мстиславъ Галицкій, установившая „ловчіи на Берестьяны“, постановилъ отъ жителей брать: „...со ста по двѣ лукнѣ *меду*, и по двѣ *овцы*, и по пятнадцать десятковъ *льну*, и по сту *хлѣбовъ*, и по пяти церберовъ *овса*, и по пяти цербе-

ровъ *ржи*, и по 20 *куръ*, а потому со всякого ста, а на горожанахъ 4 *гривны кунъ*³ (это мѣха).

Съ водвореніемъ Вараговъ, Новгородъ, какъ резиденція главнаго правителя, (впослѣдствіи и Кіевъ) дѣлается главнымъ складочнымъ мѣстомъ всякаго сырья, а чрезъ это,—и главнымъ торговымъ городомъ С.-Вост. Россіи. Развитію новгородской торговли способствовало еще слѣдующее обстоятельство: Новгородъ лежалъ на пути „изъ Варягъ въ Греки“.

Изъ исторіи намъ извѣстно, что Норманы (Варяги) въ IX вѣкѣ промышляли въ прибрежныхъ странахъ западной Европы торговлей и грабежомъ, поэтому можно сказать утвердительно, что Варяги, поселившіеся между Росс. Славянами, были знакомы съ европейскою торговлею, почему,—сдѣлавшись на Руси обладателями громаднхъ складовъ всякаго сырья, на которое между туземцами покупателей не находилось,—Варяги въ собственномъ интересѣ озаботились начать торговля сношенія съ иноземцами. Но для того, чтобы привлечь иноземныхъ купцовъ въ Новгородъ (на Русь), Варяги-Правители должны были обѣщать имъ свое покровительство, личную и имущественную безопасность, разныя торговля льготы и помощь не только въ Новгородѣ, но и на пути къ нему и обратно.

Такъ въ дѣйствительности и было, на это указываютъ наши древніе торговля договоры, отзывы иностранцевъ и Русская Правда⁴.

Такіе письменные памятники, какъ Смоленскій договоръ съ Нѣмцами 1229 года и, такъ называемый, Дрееровскій договоръ, а также и Русская Правда, есть несомнѣнно отголоски временъ словесныхъ договоровъ и устныхъ законовъ, практиковавшихся при

первыхъ, Варяго-Русскихъ князьяхъ⁵. Эти договоры составлялись такъ: „*абы нѣмчичу любо было*“, поэтому, вѣроятно, они въ нѣмецкой лѣтописи названы „*весьма благоприятными для иноземныхъ купцовъ*“. Вообще же „*иноземцы не могли нахвалиться мудрымъ безкорыстіемъ нашихъ правителей*“, такъ что Россія въ скоромъ времени стала славиться своею торговлею и своимъ богатствомъ. Иноземцы такъ отзывались о ней: „*изобильная всеми благами природы*“ (omnibus bonis affluentem)⁷.

Первые иноземные купцы нашли въ Новгородѣ неистощимые запасы всякаго сырья и массу цѣнныхъ мѣховъ, что избавило ихъ отъ необходимости развѣзжать по странѣ, не имѣвшей удобныхъ путей и населенной полудикимъ воинственнымъ народомъ. Вся эта масса цѣнныхъ мѣховъ и всякаго другаго сырья принадлежала князю, поэтому иноземнымъ купцамъ пришлось имѣть дѣло по куплѣ и продажѣ только съ княземъ, такъ что въ дѣйствительности выходило, что въ началѣ нашихъ внѣшнихъ сношеній, иноземцы пріѣзжали не къ новгородцамъ или смолянамъ, а къ князю; вѣроятно, это обстоятельство было причиною, что русскій народъ иноземныхъ купцовъ называлъ „*гостями*“⁸.

Такая особенность въ первоначальныхъ, нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ иноземцами была причиною, что наша внѣшняя торговля получила характеръ исключительно *оптоваго торга*, а „*малая торговля, что зовутъ розницею*“, иноземнымъ купцамъ была запрещена⁹.

Иноземные товары, пріобрѣтенные оптовою куплею, чрезъ русское купечество проникали на внутренніе рынки Россіи и дѣлались предметами мѣлочнаго торга.

Новгородцы, начавъ торговлю съ иноземцами, по

необходимости должны были принять ихъ торговый вѣсъ и мѣрила, а такъ какъ первоначальная наша торговля съ иноземцами была исключительно *оптова*, то новгородцы,—не имѣя надобности въ drobныхъ частяхъ торговаго вѣса и мѣры, приняли отъ иноземцевъ *только высшія единицы торговаго вѣса и мѣры*, напр. *берковецъ* (Berkowez), *пудъ* (Pud), *поставъ*, штука, кусокъ (Stük) и пр.

Но кромѣ названныхъ торговыхъ „вѣса и мѣрилъ“, употреблявшихся, повидимому, только въ сношеніяхъ съ иноземцами, въ Россіи были еще и свои народные „*свѣсы, ставила и мѣрила*“, употреблявшіяся во внутренней торговлѣ, на что указываютъ многіе древніе русскіе памятники¹⁰. Но для исторіи денежныхъ знаковъ древней Россіи особенный интересъ представляютъ не городскія и торговыя всякія мѣрила, свѣсы и ставила, а *вѣсъ для золота и серебра*, употреблявшійся иноземцами въ первоначальной ихъ торговлѣ съ Русскими.

Изъ исторіи извѣстно, что до крестовыхъ походовъ запад. Европа золотомъ была очень бѣдна. Этотъ историческій фактъ для IX вѣка подтверждается напр. слѣдующими извѣстіями¹¹:

„Въ 810 годѣ пришли Норманцы на 200 карабляхъ въ Фрисландію, побили Фризовъ, и взяли съ нихъ 100 фунтовъ *серебра*“.

„Въ 845 годѣ выкупился Парижъ 7000 фунтовъ *серебра* отъ пхъ, Нормановъ, разграбленія“.

„Въ 861 годѣ Датчанамъ... Карлъ Лысый платитъ 5000 фунт. *серебра*, что бы они не разоряли его государства. Да за снятіе осады Норманы „также даютъ имъ 6000 фунт. *серебра* и соединяются съ ними“.

„Карлъ Лысый заключаетъ въ 866 годѣ миръ

съ Норманцами и платитъ имъ 4000 фунтовъ *серебра по ихъ вѣсу*¹². (На эту интересную подробность необходимо обратить особое вниманіе. Слова „*по ихъ вѣсу*“ указываютъ, что Нормандскій (Варяжскій) фунтъ не былъ французскимъ ливромъ или греческимъ литромъ; кромѣ того, слова „*по ихъ вѣсу*“ указываютъ, что новгородская *гривна* (вѣсъ) времени Ярослава I и ранѣе, была нѣмецкимъ или готландскимъ фунтомъ (маркой вѣсовой) въ 32 лота).

„Норманцы заключаютъ въ 887 годѣ съ Карломъ Толстымъ миръ и получаютъ 2800 фунтовъ золотомъ и *серебромъ*“.

„Карломанъ принужденъ въ 884 году платитъ имъ, Норманамъ, въ дань 12000 фунтовъ чистаго *серебра*“ и. т. д.

Въ приведенной выпискѣ вездѣ говорится только о *серебрѣ*; (впрочемъ одинъ разъ упомянуто золото, но безъ точнаго опредѣленія его количества) поэтому, можно думать, что нѣмцы, начиная торговлю съ Новгородцами, золота не имѣли, почему ихъ вѣсовая марка (Марка) въ 32 лота употреблялась только для взвѣшиванія серебра. Эта марка у нѣмцевъ была высшей единицей вѣса для серебра; считая, они говорили, напр., „1000 *марокъ серебра*“, а не 25 пудовъ серебра.

И новгородцы для взвѣшиванія серебра также приняли иноземный вѣсъ, и также только высшую единицу его, т. е. *марку*, причемъ назвали ее *гривной*, это удостоверяется не только полною тождественностію въ вѣсѣ нѣмецкой марки и русской гривны, и одинаковостію ихъ служебной роли, но и народной памятью; такъ напр. въ „Посольскихъ дѣлахъ Прусскихъ“, письменномъ памятникѣ XVI вѣка, сказано: „у Нѣм-

цевъ зоветца марка, а у насъ по Русски гривенка“. И современный намъ фунтъ въ 32 лота мы до сихъ поръ называемъ *нѣмецкимъ фунтомъ*.

Что русская гривна (нѣмецкая марка) соответствовала современному намъ фунту въ 32 лота, на это указываютъ русскія старинныя торговыя книги и рукописныя ариѳметики; въ нихъ показано: „Въ фунтъ одна большая гривенка, а малыхъ въ фунтъ двѣ гривенки... Въ пудѣ гривенокъ большихъ 40 фунтовыхъ, а малыхъ гривенокъ въ пудѣ 80“¹³. Въ уставѣ ратныхъ дѣлъ Василя Шуйскаго сказано, что „ядро пищали Васииска вѣсило 70 гривенокъ, и что 240 такихъ ядеръ составляли 168 контаревъ, а въ контарѣ 2 пуда съ половиною“. Слѣдовательно, говоритъ Карамзинъ, гривна въ общемъ смыслѣ вѣса означала одинъ фунтъ. Такъ показано въ нашихъ древнихъ рукописныхъ ариѳметикахъ съ прибавленіемъ, что малая гривенка есть полъ фунта“¹⁴.

Съ XI вѣка въ С.-Запад. Европѣ денежный знакъ—марка-серебра (Marka Silber) стала выдѣлываться вѣсомъ не въ 32 лота, какъ было прежде, а только въ 16 лотъ, поэтому Русскіе въ XII вѣкѣ, вводя у себя новый денежный знакъ гривну-серебра, стали выдѣлывать ее вѣсомъ въ 16 лотъ или 48 золотниковъ, и сообразно съ этимъ вѣсъ для перевѣшиванія серебра, т. е. гирю, также стали дѣлать въ 16 лотъ или 48 золотниковъ. Эта новая гривна (вѣсовая), въ отличіе отъ денежнаго знака, также называвшагося *гривной*, официально стала называться *гривной скаловой*, на что указываютъ Торговыя книги, Лѣтописи и другіе письменные памятники; такъ напр. въ торговой книгѣ сказано: „Въ гривенкѣ *малой скаловой* 48 золотниковъ, деньгами вѣситъ три рубля“¹⁵. А въ

лѣтописи подѣ 1535 годомъ читаемъ: „Великій князь повелѣ дѣлать деньги серебряныя новыя на свое имя безовсякаго примѣса изъ *гривенки изъ скаловой* триста денегъ... А по указу отца его Великаго князя Василя Ивановича всеа Русіи изъ *той же* (скаловой) гривенки дѣлали полѣ третья ста денегъ и десять“...¹⁶ и т. д.

Когда же Олегъ перенесъ великокняжескій престолъ изъ Новгорода въ Кіевъ и открылъ торговыя сношенія съ Греками, которые были очень богаты золотомъ, то Русскіе вмѣстѣ съ греческимъ золотомъ приняли и греческій вѣсъ для золота—*литру*, не измѣняя вѣса для серебра, т. е. *гривны*, на что указываетъ правительственный вѣсъ *гривна скаловая*, впоследствии служившая основаніемъ при выдѣлкѣ русской серебряной монеты. Вообще древній русскій вѣсъ *гривна*, подѣ названіемъ *фунта*, сохранился до нашихъ дней и служить основною единицею для современнаго намъ вѣса (изъ фунтовъ составляютъ пуды и фунтъ дѣлать на лоты и золотники). А литра съ подраздѣленіемъ на золотники, по прекращеніи торговли съ греками, по прежнему продолжала служить только для перевѣшиванія золота, напр. „въ цѣвочномъ золотѣ на шелку въ цѣвкѣ 6 *золотниковъ*... А *литру* купятъ цѣвочнаго золота по 4 съ полтиною“... и т. д.

Въ русской торговой книгѣ литра такъ опредѣлена: „Въ литрѣ малыхъ полѣ двѣ гривенки (т. е. $1\frac{1}{2}$ гривенки), а золотниковъ въ литрѣ 72 золотника“¹⁷. Такое опредѣленіе не указываетъ ли, что русскіе въ старину нѣмецкій и греческій вѣсы согласовали?

Серебро (и золото), было ли оно въ слиткахъ, монетѣ или издѣляхъ, русскіе покупали и продавали *какъ товаръ вѣсовой*, вслѣдствіе чего эти металлы,

во всѣхъ ихъ видахъ, принимались только *на вѣсъ*, т. е. русскіе въ иноземной монетѣ установленной цѣны не признавали, а въ издѣліяхъ—работу не цѣнили, а признавали только вѣсъ, что удостовѣряетъ Катошихинъ; онъ пишетъ: „русскіе цѣнятъ золотыя и серебряныя издѣлія тою цѣною, что стоитъ вѣсомъ, а дѣло не считаютъ“¹⁸. Тоже самое подтверждаютъ и торговыя книги, напр. въ одной изъ нихъ говорится: „Надобѣ всяки *ефимки* (талеры) *въ вѣсъ имати*... А будетъ серебро *въ слиткахъ* въ ефимочную чистоту, или въ *сосудахъ*, или въ чемъ нибудь (иномъ), серебро емли пятою долею денежнаго вѣса дешевле“¹⁹ и т. д.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что Русскіе отъ торговыхъ сношеній съ Сѣв.-Западной Европой усвоили вѣсъ для серебра марку или *гривну* въ 32 лота, которую въ XII вѣкѣ передѣляли въ 16 лотъ или 48 золотниковъ; а отъ сношеній съ Греками усвоили вѣсъ для золота—*литру* въ 72 золотника. Такъ произошло потому, что Русскіе серебро получали изъ средней Европы, а золото изъ Греціи, что между прочимъ видно и изъ словъ Вел. князя Святослава: „отъ грекъ (получаю) поволокы, *золото*, вино и овощи, а изъ *Чеховъ* и изъ *Угръ* *серебро* и кони...“²⁰.

Русскіе, принявъ нѣмецкую марку подъ названіемъ гривны, также стали, какъ и нѣмцы, большія количества серебра считать не пудами, а гривнами, напр. сынъ Варяга Симона, Георгій, далъ въ Печерскую обитель на раку Преподобнаго Феодосія „серебра 500 гривенъ“... и т. д.

Нѣмецкая вѣсовая марка (Marka), названная на Руси гривною, была принята отъ нѣмцевъ также

безъ ея дробныхъ частей, какъ и прочія высшія единицы торговаго вѣса и мѣры, на это указываетъ уставъ Вел. князя Всеволода 1134—1135 года. Этимъ уставомъ въ Новгородѣ и Кіевѣ введена *гривенка рублевая*, т. е. разновѣсъ или наборъ дробныхъ частей гривны (лоты и золотники); необходимый для взвѣшиванія малыхъ количествъ золота и серебра, которыя подучались чрезъ *отрубаніе*, почему гривенка и названа—*рублевою*²¹. Существованіе торговли рубленнымъ или сѣченнымъ золотомъ и серебромъ удостоверяетъ Стриковскій, авторъ Литовской хроники, онъ пишетъ: „Поляки, Русь, Литва, и Мазуры обыкли бяху купли свои совершати частичками сѣченаго золота и серебра...“²². Ясно, что необходимость въ точномъ опредѣленіи вѣса, а слѣдовательно и цѣны, частичекъ рубленнаго золота и серебра заставила Всеволода ввести *гривенку—рублевою*, и тѣмъ облегчить торговлю драгоцѣнными металлами.

Все, что говорилось здѣсь о первоначальной нашей внѣшней торговлѣ и о торговомъ вѣсѣ и мѣрахъ, все это заставляетъ думать, что съ самаго начала возникновенія на Руси внѣшней торговли, торговый вѣсъ и мѣрило и торговыя правила установились не путемъ долгой практики или обычая, а вслѣдствіе договоровъ, сначала устныхъ, а потомъ, — съ появленіемъ письменности, — и письменныхъ; въ этомъ насъ убѣждаютъ встрѣчающіяся въ русскихъ договорахъ выраженія: „*какъ изъ древле бывало*“, „*по давному докончанію*“ и т. пд., или ссылки на „*дрѣдовъ*“, напр.: Смоленскій договоръ съ нѣмцами 1229 года начинается такъ: „Се азъ князь Смоленскій Мстиславъ Давыдовичъ докончалъ есмь с. нѣмцы *по давному докончанію Дрѣди наши*...“. Здѣсь ссылка на „*Дрѣди*“:

не фигуральное выраженіе, а, такъ сказать, юридическая и хронологическая точность, что можно видѣть изъ позднѣйшихъ договоровъ Русскихъ князей, въ которыхъ есть напр. такія выраженія: „...а мыта намъ, князьямъ, держать старья, пошлыя, которыя были при *моихъ Дѣдахъ, моемъ Дядѣ и при моемъ Отцѣ...*“²³.

Что соглашеніе о торговомъ вѣсѣ и мѣрилахъ и о торговыхъ правилахъ между Варягами—Правителями и иноземными гостями было,—это доказывается дошедшими до насъ договорами и заключающимися въ нихъ постановленіями; напр. „А пудъ дали Нѣмчи..., а подругъ его лежитъ въ нѣмецкой, божницѣ...“, или для повѣрки вѣсовъ въ Смоленскѣ „хранится одна капль въ церкви Богородицы, что на горѣ, а другая въ нѣмецкой божницѣ; съ этимъ вѣсомъ и Волочанѣ свѣряютъ пудъ, данный имъ нѣмцами...“²⁴ и т. д.

Вотъ какъ и при какихъ условіяхъ развилась на Руси внутренняя и внѣшняя торговля. Къ этому не лишнимъ будетъ добавить, что первыя извѣстія о русскомъ купечествѣ относятся ко временамъ Варяжскихъ князей, на что указываютъ наши договоры съ Греками²⁵.

Но съ торговлей тѣсно связанъ вопросъ о денежныхъ знакахъ. Тамъ, гдѣ есть регламентированная внѣшняя торговля, тамъ обязательно должны быть и денежные знаки. Поэтому Варяги—Правители, вводя въ Новгородѣ торговый вѣсъ и мѣрило, неизбѣжно должны были ввести и денежные знаки.

Такъ въ дѣйствительности и было!

Въ лѣтописи Нестора подъ 882 годомъ читаемъ: „Олегъ дани устави по всей Русѣй земли, Словѣ-

номъ и Кривичѣмъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ,
съ Новагорода *300 гривенъ* на лѣто...“.

Упоминаемая здѣсь *гривны* были денежными
знаками древней Россіи.

Глава II.

Первые русскіе денежныя знаки были —куны. Что такое куны?

Гривны, обращавшіяся въ Новгородѣ во времена Олега и при послѣдующихъ Русскихъ князьяхъ, были денежными знаками древней Россіи, въ этомъ насъ убѣждаетъ лѣтопись Нестора, въ которой подъ 971 годомъ читаемъ: „Святославъ съ дружиною ста зимовать въ Бѣлобережїи и не бѣ у нихъ брашна, и бѣ гладь великъ, яко по *полугривнѣ* голова коняча...“

Упоминаемая здѣсь *полугривна* несомнѣнно есть *денежный знакъ*, а поэтому и *гривна также есть денежный знакъ*.

Далѣе подъ 980 годомъ читаемъ, что по взятїи Кіева Владиміромъ, пришли къ нему Варяги наемники; и сказали: „се градъ нашъ, мы прїяхомъ, и да хотимъ имати окупъ на нихъ, Кіевлянахъ, по двѣ *гривны* съ чловѣка. И рече имъ Володимеръ: пождите вы, дажь *куны* сберуть за мѣсяць“.

Въ этомъ извѣстїи слово *куны* относится къ „*гривнамъ*“, почему,—если гривны есть денежныя знаки,—*то куны будутъ деньги*.

Слѣдовательно Новгородцы, до переселенія Олега въ Кіевъ, уже имѣли деньги, ибо *300 гривень*, которыя уплачивали Новгородцы въ 882 году Варягамъ, были *денежными знаками* или *деньгами*, т. е. по тогдашнему—*кунами*.

А что такое Куны?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ спорный и

до крайности запутанный вопросъ, обращаюсь къ исторіи.

Русскіе, въ описываемый мною періодъ, по роду своихъ занятій имѣли: хлѣбъ, ленъ, пеньку, медъ, воскъ, рыбу и т. пд. предметы сельскаго хозяйства; но живя въ странѣ, изобиловавшей повсемѣстно всякимъ звѣремъ, въ особенности же пушнымъ, они, кромѣ земледѣлія и рыбной ловли, занимались еще охотой и звѣроловствомъ, почему были богаты шкурками пушныхъ звѣрей или мѣхами.

По свидѣтельству иноземцевъ-современниковъ „Главное богатство Русскихъ составляетъ куній мѣхъ..., и единственный промыселъ ихъ, — торговля соболями, бѣличьими и другими мѣхами“¹.

Изъ всѣхъ предметовъ русскаго народнаго богатства шкурки пушныхъ звѣрей въ торговыхъ сношеніяхъ съ иноземцами обладали выдающимся преимуществомъ: онѣ представляли собою высокую цѣнность, по вѣсу были легки, а по объему не велики, почему ихъ удобно было перемѣщать даже на очень большія разстоянія, чего нельзя сказать о другихъ предметахъ русскаго народнаго богатства, напр. о хлѣбѣ, воскѣ, льнѣ и т. пд. сырьѣ. Вѣроятно по этимъ причинамъ князья и ихъ намѣстники съ подвластныхъ и побѣждаемыхъ племенъ брали дань преимущественно шкурками пушныхъ звѣрей: *бѣлыми севѣрицами, бѣлыми вѣкишицами, черными кунами* и просто *кунами*. Напр. подъ 859 годомъ въ лѣтописи читаемъ: „Имаху дань Варязи изъ за морія на Чуди, на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ (на Веси) Кривичѣхъ отъ мужа *по бѣлымъ сѣверичемъ*“.

„А Козаре имаху дань на Полянѣхъ, и на Сѣверянѣхъ, и на Вятичѣхъ по *бѣлымъ вѣкишицамъ* отъ дыма“.

Въ 883 году „иде Олегъ на Древляны и на Сѣверы, и возложи дань на нихъ по *чернѣ кунѣ*“ (въ Супральной лѣт.—„по черной куницѣ“).

Въ 914 году Игорь „и дасть же дань Деревскую Свентелду; имаше же по *чернѣ кунѣ* отъ дыма“ и т. д.

Въ этихъ даняхъ бѣлая вѣверица и бѣлая векшица несомненно есть *горностаѣ*, а черная куница—*соболь*, ибо въ природѣ нѣтъ и не было бѣлыхъ векшъ и черныхъ куницъ. Если же гдѣ упоминается просто куна, то подъ этимъ названіемъ надо видѣть мѣхъ *обыкновенной куницы*.

По поводу приведенныхъ лѣтописныхъ извѣстій Фил. Кругъ замѣчаетъ: „Греки употребляли вмѣсто денегъ шелковыя матеріи, а Русы—кожи животныхъ. Козаро брали дань съ Южныхъ, а Варяги съ Сѣверныхъ Славянъ *горностаѣми*. Сіе, мнѣ кажется, означаютъ слова: „*по бѣлѣ вѣверицѣ*“, „*по бѣлѣ векшицѣ*“. Ибо вѣверица и векша или вѣкшица были, кажется, общія названія, и, можетъ быть, означали тогда горностаѣя чрезъ прибавленіе „*бѣлая*“. Покрайней мѣрѣ, столь рано не нахожу я еще имени горностаѣ...“².

А С. Соловьевъ эти лѣтописныя извѣстія въ своей Исторіи Россіи излагаетъ такъ: „Брали дань Варяги изъ за моря на Чуди, Славянахъ Новгородскихъ; Мери, Веси, на Кривичахъ, а Козары брали на Полянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, брали по *горностаю* и *бѣлѣ* отъ дыма“³. Слѣдовательно, подъ бѣлой вѣверицей Соловьевъ признаетъ горностаѣя, а подъ бѣлой векшицей, — векшу или бѣлку; черную же куницу онъ и всѣ другіе изслѣдователи признаютъ за соболя; если же гдѣ упоминается просто *куна* („а за овцу 5 кунѣ“), то для каждаго ясно, что вѣдьсь идетъ рѣчь о куницѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Русскіе въ старину относительно пушныхъ звѣрей не придерживались нашей точной классификаціи, почему мало-мальски схожихъ звѣрковъ соединяли въ одну группу, подъ одно общее для нихъ названіе. Это замѣчаніе въ особенности относится къ пушнымъ звѣрькамъ, шкурками которыхъ уплачивались дани; въ этомъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства иноземцевъ. Такъ напр. Адамъ Бременскій, — современникъ лѣтописца Нестора, — свидѣтельствуесть, что Русскіе въ XI вѣкѣ горностая называли *бѣлой кунной*, *mortures albos*⁴. А арабскій писатель X вѣка Ибнъ Гаукаль пишетъ, что изъ Арты отъ русскихъ вывозятъ звѣря, называемаго *черною кунницею* или скиѣскимъ *соболемъ*⁵. И дѣйствительно, *черная кунна* довольно часто упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ.

Слѣдовательно, такихъ пушныхъ звѣрковъ, какъ горностай, соболь и обыкновенная куница, русскіе въ IX, X и XI вѣкахъ называли общимъ именемъ *куны*; но, — различая звѣрковъ этой группы по цвѣту мѣха, — русскіе надѣлили ихъ, кромѣ общаго названія — *куны*, еще и прилагательными именами: такъ горностая, имѣющаго бѣлый мѣхъ, они назвали *бѣлой кунной*; соболя, имѣющаго, сравнительно съ кунницей, темный мѣхъ, назвали *черной кунной*, а обыкновенную куницу (лѣсную и каменую) называли просто *кунной*.

Шкурками этихъ звѣрковъ уплачивались дани.

С. Соловьевъ говоритъ: „Первые князья брали дань съ подчиненныхъ племенъ однѣми черными кунницами и бѣлками, потому что серебра этимъ племенамъ было взять негдѣ“⁶.

Дани указываютъ, что изъ всѣхъ пушныхъ звѣрковъ, которые водились въ Россіи и мѣхъ которыхъ

имѣлъ значительную цѣну, соболь, горностаи и куница были самыми многочисленными и повсемѣстно распространенными звѣрьками, а потому, надо думать, княжеская мѣховая казна должна была преимущественно состоять изъ шкурокъ *кунь* всякаго наименованія,— бѣлыхъ, черныхъ и т. пд.

Благодаря данямъ и оброкамъ Князя Правители обладали богатѣйшею мѣховою казною и громадными складами всякаго сырья, а Новгородъ, какъ резиденція главнаго правителя, былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ княжескихъ богатствъ.

Эти княжескія богатства, какъ товаръ, предлагались для купли иноземнымъ гостямъ, которыми для Новгородской области были жители балтійскаго побережья: Нѣмцы и Готландцы; впрочемъ, главную торговую силу представляли Нѣмцы, вполнѣдствіи— Ганза.

Въ IX вѣкѣ нѣмцы уже имѣли деньги, высшей единицей которыхъ была „*зильберъ-марка*“ (*Marka Silber*), представлявшая собою слитокъ серебра въ формѣ небольшого, необдѣланнаго брусочка, вѣсомъ въ 32 лота.

Эта зильберъ-марка въ С.-Запад. Европѣ была общепринятымъ денежнымъ знакомъ и для описываемаго времени представляла значительную денежную цѣнность, почему она главнымъ образомъ употреблялась для платежей въ оптовой торговлѣ, а для мелочнаго торга нѣмцы имѣли мелкую серебряную монету— пфенинги; золотой же монеты до крестовыхъ походовъ нѣмцы не имѣли⁷, почему они во внѣшней торговлѣ золота не употребляли, и каждую вещь цѣнили по ея отношенію къ серебру.

А Новгородцы,— начиная торговлю съ нѣмцами,—

не имѣли ни денежныхъ знаковъ, ни серебра, и, повидимому, въ серебрѣ надобности не ощущали, ибо въ языческой періодъ мы не видимъ на Руси въ народномъ употребленіи серебра, на это указываетъ лѣтописецъ, рассказывая о простотѣ жизни Вел. князя Святослава и его дружины, и о пирахъ Вел. князя Владиміра. на которыхъ онъ, его дружина и гости ѣли деревянными ложками⁸.

Но, присмотрѣвшись къ торговлѣ иноземныхъ гостей, Новгородцы должны были завести у себя денежные знаки и тѣмъ облегчить свои торговые сношенія, а для этого Новгородцы,—не имѣя ни золота, ни серебра, должны были подыскать такой предметъ, который по своимъ качествамъ походилъ бы на монету и въ торговыхъ сношеніяхъ могъ бы замѣнить собою деньги. Отъ выбраннаго предмета требовалось: что бы онъ былъ многочисленъ, т. е. повсемѣстно былъ въ изобиліи распространенъ; имѣлъ бы высокую рыночную цѣнность, —необходимое условіе при оптовомъ торгѣ; по вѣсу былъ легокъ и по объему не великъ, чрезъ что его, подобно монетѣ, удобно было бы хранить, носить и передавать изъ рукъ въ руки. А главное, что бы выбранный предметъ иноземные купцы охотно принимали вмѣсто денегъ.

Изъ всѣхъ предметовъ русскаго народнаго богатства этимъ условіямъ больше всего удовлетворяли шкурки небольшихъ пушныхъ звѣрьковъ, въ особенности шкурки *куницы*, *соболя* и *горноста*: онѣ были очень многочисленны и повсемѣстно распространены, на что указываютъ дани; имѣли высокую рыночную цѣну; по объему были не велики, по вѣсу—легки. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, шкурки куницы, соболя и горноста удобно было носить и передавать

изъ рукъ въ руки, причемъ иноземцы эти шкурки принимали охотнѣе всякихъ другихъ русскихъ товаровъ, ибо на мѣха былъ очень большой спросъ за границу. Такъ, Адамъ Бременскій говоритъ: „мы, иноземцы, ищемъ куньей шубы какъ величайшаго блага...“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „...бобровые и куньи мѣха до безумія нами, иноземцами, уважаемые...“. Тоже самое, сто лѣтъ спустя, говоритъ и Гельмольдъ⁹.

Поэтому вполне естественно и правдоподобно, что шкурки соболя, горностая и куницы, какъ удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для монеты, по взаимному соглашенію Новгородцевъ съ Нѣмцами, стали исполнять роль денежныхъ знаковъ или монетъ. А такъ какъ эти вновь учрежденные денежные знаки были шкурками черной *куны* (соболя), бѣлой *куны* (горностая) и обыкновенной *куны* (лѣсной и каменной), то общимъ для нихъ названіемъ стало: *куны*, что соответствовало современному намъ слову *деньги*.

Такъ появились въ Россіи первые денежные знаки или деньги, подъ названіемъ *куны*.

Куны были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрковъ, которыя иноземцы принимали какъ деньги, а вывозили къ себѣ за-границу какъ товаръ.

Здѣсь будетъ уместно и своевременно привести мнѣнія нашихъ историковъ и изслѣдователей.

О кунахъ Н. Карамзинъ говоритъ: „Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурками звѣрей—куницъ и бѣлокъ. Слово *куны* означало *деньги*“¹⁰.

С. Соловьевъ буквально повторяетъ слово-въ-слово сказанное Карамзинымъ¹¹.

Впрочемъ, дальше Карамзинъ, Соловьевъ и многіе другіе изслѣдователи въ кунахъ уже видятъ кожаные лоскутки; такъ напр. по мнѣнію Карамзина и Соловьева, „скоро неудобность носить съ собою цѣлыя шкуры для купли, подаде мысль замѣнить оныя мордками и другими лоскутками кунными и бѣлыми“.

По мнѣнію Заблоцкаго, „встрѣчаемое затрудненіе въ примѣненіи цѣлыхъ мѣховъ къ различнымъ потребностямъ мелочнаго торга заставило обратиться къ мысли рѣзать ихъ въ видѣ раздѣленія на меньшія монетныя цѣнности, на куски, получившіе различныя названія: мордокъ, ногатъ, рѣзаній и пр.“¹².

Профессоръ Русской исторіи Никитскій говоритъ: „куны были не денежными знаками, а денежными суррогатами; онѣ не были простыми лоскутками кожи, а настоящими мѣхами, имѣвшими свою рыночную цѣнность“¹³.

По мнѣнію Свѣтловскаго 2-го первобытныя деньги были скоть, но объ этихъ деньгахъ имѣются отрывочныя и очень скудныя свѣдѣнія. „Совершенно иное дѣло деньги—мѣха, о существованіи которыхъ имѣются многочисленныя и разнообразныя данныя. На единицы мѣховыхъ денегъ совершаются рядъ операцій до-монгольской Руси, и различныя мѣховыя цѣнности можно привести въ довольно стройную систему...“, но этому, по мнѣнію Свѣтловскаго, мѣшаетъ существованіе металлическихъ цѣнностей, воспріавшихъ по закону переживанія именъ, названія мѣховыхъ денегъ. „Мѣха легче добываемые, долѣе сохраняющіе свою цѣнность, какъ предметы неодушевленные, несравненно легче транспортируемые, болѣе многочисленные и разнообразные, имѣю-

шіе громадный спросъ у соседей, являлись несомненно болѣе пригодными объектами для денегъ, чѣмъ скорѣ и легко обратились въ измѣрители цѣнностей¹⁴.

Прочіе современные намъ изслѣдователи относительно кунъ держатся совершенно иныхъ мнѣній. Ихъ мнѣнія въ энциклопедическомъ словарѣ такъ резюмированы: „Погодинъ, Казанскій, Авенаріусъ, проф. Прозоровскій, Мрачко-Дроздовскій считаютъ куну металлической монетой... Авенаріусъ полагаетъ, что куну соответствовали западно-европейскимъ динарамъ, но Прозоровскій опровергаетъ это мнѣніе, находя, что кунная система скорѣе походитъ на систему византійскихъ милліарезій...“¹⁵.

Не входя въ разборъ чужихъ мнѣній, я буду продолжать начатое изслѣдованіе, но сначала докажу, что денежные знаки *куны* были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ, а не кожаными лоскутками и не металлической монетой; за доказательствами обращусь къ древнимъ русскимъ государственнымъ актамъ, лѣтописямъ и къ свидѣтельству иноземцевъ, писавшихъ о Россіи и Русскихъ въ X и XI вѣкахъ.

Въ уставной грамотѣ Святослава, данной Новгородцамъ въ 1137 году, постановлено: „...имати Пискупомъ десятину отъ даній и отъ вирь и отъ продажи, что входитъ въ князь дворъ всего...; смлетъ Пискупъ за десятину отъ вирь и продажъ 100 гривенъ *новыхъ кунъ*...“¹⁶.

Въ договорной грамотѣ Новгородскаго князя Ярослава Владиміровича и Новгородцевъ съ Нѣмцами 1195 года постановлено: „А оже убьютъ Новгородца посла за моремъ, или Нѣмецкый посолъ Новѣгородъ, то за ту голову ꙗ гривеньъ серебра. А оже убьютъ купчнну Новгородца или Нѣмчина купчину Новѣго-

родѣ, то за ту голову *Г* гривенъ серебра. А оже мужа свяжутъ безъ вины, то *В* гривенъ за соромъ *старыхъ кунъ*. Оже ударятъ мужа оружеемъ, любо коломъ, то *З* гривенъ за рану *старые*. Оже упхнѣть, любо мятель роздрѣть, то *Р* гривны *старые*. Оже пошибаетъ мужеску жену, любо дчѣрь, то князю *М* гривенъ *ветхыми кунами*...¹⁷.

Въ судной грамотѣ, данной Двинскимъ жителямъ въ 1397 году, между разными постановленіями есть такое: „...А учинится бой въ пиру (и дравшіеся), вышедъ изъ пиру, возмутъ прощеніе, ино намѣстникомъ дадутъ по *куницъ шерстью*...“¹⁸ и т. д.

Въ приведенныхъ выпискахъ мы видимъ куны: *новыя, старыя, ветхія* и *шерстью*.

Эти документальныя свидѣтельства указываютъ, что *куны были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрковъ*. Такія шкурки, находясь въ обращеніи какъ деньги, отъ времени подвергались порчѣ, степень которой была различна, почему въ XII вѣкѣ куны на Руси стали подраздѣлять на *новыя, старыя, ветхія*, а позднѣе,—и *шерстью*.

Такія прилагательныя имена, какъ: *новыя, старыя, ветхія* и *шерстью*, приложимы только къ мѣхамъ, а не къ кожанымъ лоскуткамъ и не къ металлической монетѣ. Въ настоящее время въ нашей денежной системѣ есть кредитные билеты, которые, находясь въ обращеніи, подвергаются порчѣ, почему между ними можно встрѣтить новые, старые и ветхіе билеты, но это различіе въ степени сохранности не измѣняетъ ихъ цѣны, поэтому для кредитныхъ билетовъ такія прилагательныя имена являются совершенно ненужными и они въ дѣйствительности ихъ не имѣютъ.

Слѣдовательно, какъ для современныхъ намъ кредитныхъ билетовъ, такъ и для предполагаемыхъ въ старину на Руси кожаныхъ лоскутковъ,—а для металлической монеты и подавно,—подраздѣленіе на *новые, старые, ветхіе и шерстью* есть безсмыслица, не выдерживающая самой снисходительной критики.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что подъ кунами: *новыми, старыми и ветхими*, которыя упоминаются въ приведенныхъ государственныхъ актахъ XII вѣка, а слѣдовательно и подъ кунами временъ Ярослава I и ранѣе, мы обязательно должны видѣть цѣльныя шкурки пушныхъ звѣрьковъ, а не части ихъ (лоскутки) и не металлическую монету; въ этомъ насъ окончательно убѣждаютъ иноземцы—очевидцы: напр. Омаръ Ибнъ Даста, жившій въ X вѣкѣ, пишетъ: „у Русскихъ чеканной монеты своей нѣтъ, у нихъ звонкую монету замѣняютъ *куны мѣха*“¹⁹.

А Ахметъ де Ту, писавшій въ 1160 году, говорить, что „*бѣличы или вѣжины шкурки* (сенджабъ) составляютъ ходячую монету у Русскихъ, не имѣющихъ денегъ (серебра *argent*) въ собственномъ значеніи. Такія шкурки должны быть съ передними и задними лапками и когтями. Если же чего либо недостаетъ у сихъ шкурокъ, то онѣ считаются ложною монетою. Русскіе внѣ страны своей не могутъ ихъ употреблять за деньги, а вывозятъ за границу только въ видѣ товара“²⁰,

Оба указанные здѣсь иноземцы удостовѣряютъ, что: 1) у Русскихъ въ X и XI вѣкѣ собственной металлической монеты не имѣлось; и 2) что у нихъ металлическую монету замѣняютъ цѣлыя шкурки куницъ и бѣлокъ.

И такъ, государственные акты и сказанія инозем-

цевъ—современниковъ твердо и не оспоримо устанавливають, что куны XII вѣка, и ранѣе, были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрковъ, а не кожаными лоскутками и не металлической монетой, что видно изъ словъ: „у Русскихъ звонкую монету замѣняютъ куньи мѣха“, или: „у Русскихъ бѣличьи или вѣкшины шкурки составляютъ ходячую монету, за не имѣніемъ серебряной“.

Справедливость приведенныхъ сказаній иноземцевъ подтверждаютъ наши лѣтописи, такъ напр. въ Новгородской лѣтописи подъ 1410 годомъ читаемъ: „Новгородцы начаша торговати промежи себя Лобци, Гроши Литовскими и Артугы Нѣмецкими, а куны отложиша“. Въ этомъ извѣстїи *гроши литовскіе* несомнѣнно есть металлическая монета Великаго княжества Литовскаго, а ниже мы увидимъ, что и *лобци* и *артуги* также были металлической монетой, (первые—города Любека, а вторые—Швеція), почему, сдѣлавъ сопостановленіе этихъ металлическихъ денегъ со словами лѣтописи: а *куны отложиша*“, мы должны придти къ заключенію, что *куны* не были металлической монетой, которую Новгородцы ввели у себя только въ XV вѣкѣ (въ 1410 году), послѣ уничтоженія кунъ (а куны отложиша)²¹.

Въ XIV вѣкѣ мы увидимъ въ Литовской Руси и въ Новгородской области загадочные денежные знаки *мордки* и *долги*, а позже,—и много другихъ, еще болѣе загадочныхъ, названія которыхъ дали поводъ къ легендѣ о кожаныхъ лоскуткахъ, якобы обращавшихся въ Россіи вмѣсто денегъ. Но о такихъ денежныхъ знакахъ первыя извѣстія идутъ изъ Новгородской области, и не ранѣе конца XIII или начала XIV вѣка, поэтому они къ 1-му нумизматическому періоду

(т. е. къ періоду кунъ) не относятся, почему эти загадочные денежные знаки мною будутъ разобраны только въ 3-ей части моего труда.

Глава III.

Происхождение гривны. Перечень названій первыхъ русскихъ денежныхъ знаковъ.

Шкурки соболя, горностая и куницы, не смотря на ихъ изящный видъ и многія другія прекрасныя качества, въ IX вѣкѣ, какъ и теперь, были мало пригодны для нуждъ русскаго народа, который въ своемъ обиходѣ довольствовался овчиной, какъ современный намъ сибирскій инородецъ обходится оленьей шкурой, поэтому, надо думать, Новгородцы, до знакомства съ иноземцами, дорогимъ шкуркамъ пушныхъ звѣрей не придавали особой цѣны¹, чѣмъ иноземцы, какъ мы сейчасъ увидимъ, не приминули воспользоваться.

Князь и иноземные гости, придавъ, по взаимному соглашенію, шкуркамъ куницы, соболя и горностая значеніе денегъ, должны были установить на нихъ курсъ по отношенію къ серебру, или точнѣе, къ зильберъ-маркѣ, ибо при оптовой торговлѣ иноземцы платежи производили зильберъ-марками, но, вслучаѣ надобности, замѣняли ихъ товаромъ. Поэтому вполне правоподобно и даже несомнѣнно, что цѣна мѣхамъ, въ монетномъ смыслѣ, была установлена по взаимному соглашенію между Новгородцами, какъ довѣренными лицами князя, и иноземными гостями. Такое предположеніе я основываю, такъ сказать, на логикѣ событій описываемаго времени и, отчасти, на аналогіи съ принятіемъ отъ иноземцевъ торговаго вѣса и мѣриль, а главное,—на происхожденіи слова „*гривна-серебра*“.

Нѣмецкая зильберъ-марка, будучи слиткомъ серебра, имѣла видъ небольшого брусочка, и на Новгородцевъ не могла произвести, въ торговомъ смыслѣ, выгоднаго впечатлѣнія; надо думать, что нѣмцы это прекрасно сознавали, почему, при переговорахъ о цѣнѣ на куньи шкурки, они зильберъ-марку замѣнили горстью мелкой серебряной монеты, что на ихъ языкѣ значило *гриффъ-фонъ-зильберъ* (Griff von Silber), т. е. „въ горсть могущее вмѣститься серебро“. По соображенію нѣмцевъ, зильберъ-марка въ такомъ видѣ для глазъ новгородцевъ должна была показаться болѣе цѣнной, а слѣдовательно и болѣе выгодной, почему нѣмцы рѣшили, что за гриффъ-фонъ-зильберъ новгородцы должны дать больше куньихъ шкурокъ, чѣмъ за зильберъ-марку, не смотря на ихъ равноцѣнность.

Нѣчто подобное въ Россіи происходитъ даже и въ настоящее время; такъ А. Леманъ, сообщая о кустарномъ производствѣ деревянныхъ ложекъ, передаетъ слѣдующій рассказъ рабочаго: „Я за 1000 ложекъ получаю около 4-хъ рублей“, впрочемъ, у насъ еще счетъ на ассигнаціи, (это въ 1902 году), такъ что приходится 14 рубл. 15 коп.“.

Какъ такъ на ассигнаціи? удивился я.

„Это наши богатѣи, закупщики, чтобы не такъ замѣтно было..., *на серебро то, видишь, мало приходится, а на ассигнаціи, словно, больше*“².

Нужно думать, что расчетъ нѣмцевъ оправдался, ибо ниже мы увидимъ, что нѣмцы свою зильберъ-марку по цѣнѣ приравняли къ 50 куньимъ шкуркамъ! А такъ какъ одна хорошая кунья шкурка по цѣнѣ равняется одному фунту серебра, то выходитъ, что нѣмцы, —судя по современнымъ цѣнамъ,—за свою

зильберъ-марку получали въ 50 разъ больше, чѣмъ она въ дѣйствительности стоила.

Новгородцы, при устанавливаніи цѣнъ на куньи шкурки, во время переговоровъ съ иноземными гостями, постоянно слышали выраженіе „*грифъ-фонъ-зильберъ*“, а не *марка-зильберъ*, почему могли предположить, что у нѣмцевъ высшая денежная единица называется *грифъ-фонъ-зильберъ*, а мы видѣли выше, что новгородцы принимали только высшія единицы иноземнаго вѣса и мѣры, не измѣняя ихъ названій. Такъ новгородцы поступили и относительно высшей денежной единицы иноземцевъ, которая, по предположенію новгородцевъ, называлась *грифъ-фонъ-зильберъ*. Новгородцы приняли ее съ нѣмецкимъ названіемъ, но при этомъ названіе *грифъ-фонъ-зильберъ* передѣляли на свой слухъ и ладъ въ „*грифна серебра*“.

Такое предположеніе я основываю на слѣдующемъ соображеніи: если русское слово *серебро* есть искаженное нѣмецкое слово *зильберъ*, съ чѣмъ всѣ согласны, то слово *грифъ-фонъ* еще больше похоже на слово *грифна*, и которое выговаривалось какъ *гривна*. Тутъ переходъ звука *ф* въ звукъ *в* вполне естественъ, почему ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что русскіе стали говорить *гривна*, а не *грифна*.

Вообще же возможность передѣлки новгородцами слова *грифъ-фонъ-зильберъ*, по слуху, въ *гривна-серебра* доказывается множествомъ еще менѣе удачныхъ передѣлокъ, напр. слово *Dutzend* передѣлано въ „*дюжина*“, а названіе рыбы *Neunauge* (девятиглазая)—въ *минога!* и т. д.

Мысль такъ объяснить происхожденія слова *гривна* серебра принадлежитъ любителю отечественной старины Н. Н. Муравьеву, я же только нѣсколько видо-

измѣнилъ и развилъ его мысль. Муравьевъ слово „гривна“ производитъ отъ нѣмецкаго слова *Griff*, что значитъ *горсть*, и отъ русскаго слова „на“ (повелительное наклоненіе отъ глагола брать — бери! возьми!). Къ этому онъ добавляетъ: „въ Германіи и нынѣ употребляютъ *Griffige Waare*, хотя уже въ нѣкоторомъ иномъ смыслѣ. *Griff* значитъ горсть, въ горсть могущее вмѣститься. Вотъ *Griff von Silber*, *Griff von Pelz Waagen*, гривна-серебра, гривна-кунъ“³.

В. Татищевъ слово „гривна“ производитъ отъ конской гривы, что видно изъ его выраженія: „*гривна, взятое отъ гривы, значило цѣна лошади*“⁴. Такая цѣна коню показана въ одномъ изъ многихъ списковъ Русской Правды: но подобное производство слова *гривна* нужно признать не состоятельнымъ, потому что въ другомъ спискѣ Русской Правды значится: „а за вола *гривна*“; волю же гривы не имѣетъ. Или: „аще будетъ князь конь, то плати за нѣ 3 гривны, а иную по двѣ гривны“. Или: „за жеребець (необѣзжанный) *гривна—кунъ*“ и т. д. Все это, вмѣстѣ взятое, ясно указываетъ, что *гривна* и *грива* ничего общаго между собою не имѣютъ.

Свѣтловскій въ своей статьѣ относительно происхожденія слова „гривна“ приводитъ слѣдующія мнѣнія:

а) „Согласно даннымъ новѣйшихъ изслѣдованій, уже нѣтъ сомнѣній, что гривна пришла къ Славяно-руссамъ съ Востока и вѣроятно же всего изъ Персіи“.

б) „Гривна признается производнымъ съ Норманскаго, а именно отъ слова *hring*, что по нормански значитъ *кольцо*“.

в) Мрачко-Дроздовскій, Кеппенъ, Куникъ, Рако-

вѣцкій и Казанскій—признають гривну чисто славянскимъ словомъ. Гривна по болѣе старому начертанію „Гривня“, что произносилось, какъ гривена, есть прилагательное женскаго рода въ усѣченной формѣ. Полная форма его *гривенная*. Коренное слово—существительное *грива*, старинное названія *шеи* и *затылка*. Теперь слово грива употребляется только для обозначенія волосъ, растущихъ на шеѣ лошади, грива и въ словѣ *загривокъ*, въ вульгарномъ выраженіи для затылка. Тотъ же звукъ слышится и въ двухъ старинныхъ названіяхъ княжескаго конюшаго: *пригривникъ* и *кологривъ*. Такимъ образомъ, согласно этому толкованію, *гривная* значитъ *шейная*⁵.

Проф. Эрдманъ слово „*гривна*“ производитъ отъ монеты, якобы называвшейся *грифономъ* и существовавшей въ Антверпенѣ въ XVI вѣкѣ. Подобное производство слова гривна также нельзя допустить, потому что слово „гривна“ въ первый разъ упомянуто въ лѣтописи подъ 882 годомъ, когда монеты грифонъ еще не существовало. Впрочемъ въ существованіи такой монеты большинство нумизматовъ сомнѣвается.

Есть еще и другія предположенія о происхожденіи слова гривна, но онѣ уже совсѣмъ безосновательны; напр. Кохъ, корень слова гривна ищетъ въ арабскомъ языкѣ, „на которомъ *Кгеризонъ* (Kherison) значитъ „упадшій съ дерева листъ“⁶.

Денежные знаки подъ названіемъ „*гривны*“ обращались не только въ Россіи, но и въ Богеміи и въ Польшѣ. Въ Богеміи гривна (*grivna*) впервые упоминается въ 1037 году, а въ Польшѣ—еще позднѣе, именно въ 1125 году. Это обстоятельство служитъ косвеннымъ доказательствомъ, что слово *гривна* есть

русское слово, русскаго происхожденія, и къ Западнымъ Славянамъ занесено Новгородцами, посѣщавшими островъ Готландъ и другія мѣста балтійскаго побережья, заселенныя въ тѣ времена Славянами. Въ договорѣ XIII вѣка Нѣмцевъ и Готландцевъ съ Новгородцами (такъ назыв. Дрееровскій), писанномъ по латыни, *гривна-кунъ* именуется *Marca kunen* а *гривна-серебра* — *Marca argenti*⁷; въ договорѣ же Полоцка съ Ригою, гривна серебра названа *Grivna Silber*⁸.

Дальнѣйшія подробности о гривнѣ будутъ сообщены во II части моего труда, здѣсь же я буду говорить только о гривнѣ-кунъ.

Отъ слова *гривна-серебра* произошли названія: *гривна-кунъ*, просто *гривна* (для обозначенія вѣса), и позже — *гривна-золота*; поэтому слово „*гривна-серебра*“ служить указаніемъ и доказательствомъ, что денежные знаки въ Россіи были введены въ одно время съ торговымъ вѣсомъ и мѣрилами, ибо нѣмецкая Марка (*Marca*), т. е. гиря, вѣсъ, употреблявшаяся для взвѣшиванія серебра, также была принята Новгородцами, но не подъ своимъ именемъ — *марка*, а подъ именемъ *гривны*: „у нѣмцевъ зовется марка, а у насъ, по русски, гривенка“. Мы же знаемъ, что слово „*гривна-серебра*“ появилось при установленіи русскихъ денежныхъ знаковъ, т. е. при установленіи денежнаго курса на куньи шкурки, а слѣдовательно въ это же время былъ принятъ и вѣсъ для серебра — *марка*, подъ названіемъ *гривны*; а такъ какъ *марка* была торговымъ вѣсомъ, то, вѣроятно, въ одно время съ нею были приняты и прочіе торговые вѣсы и мѣрила.

Русскіе, не имѣя своего серебра и не нуждаясь

въ немъ, до XIII вѣка не заводили своей серебряной монеты—*слитковъ*. Карамзинъ говоритъ: „Нигдѣ въ Ярославовыхъ законахъ не упоминается о серебрѣ; деньги обыкновенно разумѣются подъ именемъ кунъ⁹. Русскіе, въ случаѣ надобности, пользовались нѣмецкой зильберъ-маркой, называя ее *гривной-серебра*, а при расчетахъ во внѣшней торговлѣ, они, по соглашенію съ иноземными гостями, серебро замѣняли шкурками куницъ, извѣстное число которыхъ, по цѣнѣ равное зильберъ-маркѣ, они называли *гривной-кунъ*, или просто *гривной*“.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что: а) первые денежные знаки, подъ названіемъ *кунъ*, появились въ Новгородѣ въ одно время съ торговымъ вѣсомъ и мѣрилами; и б) это, по всей вѣроятности, случилось при Олегѣ, устройтелѣ Русской земли, до переселенія его въ Кіевъ, ибо, по сказанію Нестора, это переселеніе совершилось въ 882 году, и въ этомъ же году „Олегъ... дани устави... съ Новгорода 300 гривенъ на лѣто“, изъ чего слѣдуетъ, что денежные знаки на Руси введены въ 882 году, или ранѣе, въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ.

Въ старину русскій народъ о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ узнавалъ чрезъ объявку; для этого князь приказывалъ бирючамъ свое распоряженіе прокликать по торгамъ. Послѣ такой объявки правительственныя распоряженія быстро распространялись, и въ короткое время доходили до самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Вѣроятно такимъ же путемъ, въ слѣдъ за открытіемъ торговыхъ сношеній съ иноземцами, шкурки пушныхъ звѣрьковъ повсемѣстно на Руси получили значеніе денежныхъ знаковъ или денегъ. А такъ какъ эти шкурки принадлежали:

черной *кунь* (соболь), бѣлой *кунь* (горностай) и обыкновенной *кунь*, то первые русскіе денежныя знаки стали называться *кунами*, и цѣна каждой вещи стала опредѣляться условнымъ числомъ кунныхъ шкурокъ.

Это значеніе кунныхъ шкурокъ, какъ денегъ, въ скоромъ времени на Руси дѣлается общимъ и обязательнымъ для всѣхъ племенъ отъ Новгорода до Кіева, чему лучшимъ доказательствомъ служить I часть Русской Правды, въ которой всѣ виды пошлинъ, подъ общими названіями: виру, продажи и уроцы, взимаются только кунами разныхъ наименованій¹⁰. А такъ какъ законы уголовные и гражданскіе, изложенные въ I части Русской Правды и упоминаемые въ ней денежныя знаки, надо думать, существовали на Руси ранѣе Ярослава I, который, — „живяше по строенію дѣдню и отню“, — только собралъ ихъ, т. е. законы устные обратилъ въ законы писанные, то поѣтому денежныя знаки, упоминаемые въ I части Русской Правды, нужно признать древнѣйшими въ Россіи, и установленіе ихъ нужно отнести, какъ я уже раньше замѣтилъ, къ концу IX вѣка, именно къ 882 году, или ранѣе, къ одному изъ годовъ княженія Олега.

Читая I-ую часть Русской Правды, мы находимъ въ ней денежныя знаки слѣдующихъ наименованій (въ краткихъ выпискахъ):

„Аже будетъ вира въ **П** *гривень*, то вирнику **Ѣ** *гривень*, и **Г** *кунъ* и **В** *въжиш*“ (по другому списку: **В** *въверицы*).

„А се уроцы скоту... То ти уроцы смердамъ, оже платятъ князю продажу“.

„А за вола *гривна*“.

„За корову **М** *кунъ*“ (по др. списку: 40 *ръзанъ*).

„За лощину *полгривны*“.

„А за порося *ногата*“.

„За жеребець (необъѣзжанный) *гривна кунь*“.

„А отъ свободивше челядинъ *ѡ, кунь*, а металлу *ѡ, въкошъ*“ и т. д. и т. д.

И такъ, судя по законамъ Ярослава I, древнѣйшіе русскіе денежные знаки были слѣдующихъ наименованій: *гривна, гривна-кунь, полугривна, куна, ногата, въкша, рѣзанъ* и *въверица*.

Другихъ же русскихъ денежныхъ знаковъ во время Ярослава I, и ранѣе, мы не знаемъ!¹¹

Общимъ названіемъ для всѣхъ, только что поименованныхъ денежныхъ знаковъ, было *куны*; слово *куны*—означало деньги, съ этимъ всѣ историки и изслѣдователи согласны. Но какія это были деньги, цѣльныя ли шкурки пушныхъ звѣрьковъ, или части ихъ, т. е. кожаные лоскутки, или металлическая монета, объ этомъ наши историки и изслѣдователи въ своихъ мнѣніяхъ сильно расходятся, я же, для рѣшенія этихъ вопросовъ, въ слѣдующихъ главахъ представлю свое изслѣдованіе.

Глава IV.

**Куна, ногата, рѣзанъ,—это куны, а гривна и полу-
гривна,—это гривна-кунъ и полугривна-кунъ. Вѣкша,
она же вѣверица. Какихъ звѣрьковъ шкурки назывались
кунами?**

Слово *куны* есть имя нарицательное, а не множественное число отъ денежнаго знака *куна*; такъ и въ настоящее время слово деньги означаетъ всѣ виды денежныхъ знаковъ, а не множественное число отъ монеты *деньга, денежка*.

Но, не смотря на такое сходство въ смыслѣ между словами: *куны* и *деньги*, между ними есть очень большая разница. Мы подъ словомъ деньги подразумѣваемъ золотую, серебряную, мѣдную монеты и кредитные билеты, а въ старину наши предки подъ словомъ *куны* подразумѣвали *только денежные знаки мѣха*, т. е. только шкурки нѣкоторыхъ пушныхъ звѣрьковъ, ибо когда, въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка и позже, въ Россіи были установлены новые виды денежныхъ знаковъ—серебряные слитки, то общимъ для нихъ названіемъ стало: „*серебро*“ или „*сребро*“, а позднѣе, когда русскіе завели свою чеканную монету, то ее стали называть *деньгами*. На основаніи этого соображенія, становится необходимымъ доказать, что денежные знаки, обращавшіеся въ Россіи во времена Ярослава I, и ранѣе: гривны, полугривны, гривны-кунъ, ногаты, рѣзаны, куны, вѣкши и вѣверицы были *кунами*, а не серебромъ (слитками) и не чеканной монетой (деньгами).

Начну съ куны.

Что *куна* принадлежала къ тѣмъ денежнымъ знакамъ, которые назывались кунами, это, на основаніи полнаго сходства въ названіяхъ, само собою подразумѣвается, и не требуетъ особыхъ доказательствъ, поэтому я ограничусь однимъ указаніемъ на Русс. Правду; въ ней есть такое постановленіе: „А се поконъ вирный... въ говѣніе (полагается рыбами столько-то), а то *всѣхъ кунъ 15 кунъ* на недѣлю“¹.

Для опредѣленія же, чѣмъ были *ногата* и *рѣзанъ*, я обращаюсь къ „Расчету“ примѣрнаго дохода отъ двѣнадцати-лѣтняго приплода нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ. Этотъ „Расчетъ“ вставленъ въ Русскую Правду, находящуюся при „Софійскомъ временникѣ“ Строева; тамъ, напр. въ статьѣ „О овцахъ“, показано: „овца метана Э *ногатъ*, а баранъ по Г *рѣзанъ*, а за то за все *кунами* Д гривенъ, и Е гривенъ, и И гривенъ, и Е гривенъ, и М *рѣзанъ*“.

„А на тѣхъ овцахъ и на баранахъ рунъ *кунами*: Э гривны, и Ц гривны, и Й гривны, и М *рѣзанъ*, и Ш *рѣзанъ*, а руно чтено по *рѣзанъ*“.

Въ ст. „О свиныхъ“ показано: „а за вепревъ *кунами* А , и Д , и В , и М гривенъ, и Г гривенъ, и М *рѣзанъ*; а вепрь метанъ по Э *ногатъ*“² и т. д. и т. д.

Какъ въ этихъ, такъ и всѣхъ прочихъ, не приведенныхъ здѣсь расчетахъ, денежные знаки: *ногата* и *рѣзанъ* вездѣ называются *кунами*, напр., „овца метана по 6 *ногатъ*... а баранъ по 10 *рѣзанъ*, а то *кунами* столько то *гривенъ* и столько то *рѣзанъ*“.

Слѣдовательно, названія; *ногата*, *куна* и *рѣзанъ* это собственныя имена различныхъ денежныхъ знаковъ, общимъ же ихъ именемъ было *куны*.

За тѣмъ, въ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ, что окончательный выводъ вездѣ выражается такъ: „а то кунами столько то гривенъ“, изъ чего слѣдуетъ, что гривны и полугривны, временъ Ярослава I, и ранѣе, составлялись изъ кунъ, почему подъ простымъ названіемъ „гривна“ и „полугривна“, если они употреблены въ монетномъ смыслѣ, надо видѣть *гривну-кунъ* и *полугривну-кунъ*. Впослѣдствіи, когда въ Россіи появились, какъ деньги, *металлическія гривны*, то наши лѣтописи и государственные акты, говоря о нихъ, всегда выражались вполне опредѣленно, прибавляя къ слову *гривна* пояснительныя слова: *золота* или *серебра*, напр. „Берландикъ возьмъ у Святослава 200 *гривенъ серебра* и 12 *гривенъ золота*“, или въ торговыхъ договорахъ напр. постановлено брать пеню „I *гривенъ серебра*“ и т. д.

Поэтому впервые упоминаемая Несторомъ лѣтописцемъ подъ 882 годомъ „300 *гривенъ*“,—были *гривны-кунъ*.

Относительно этого лѣтописнаго извѣстія Шлецеръ замѣчаетъ: „Отмѣнно невѣроятно, что бы уже въ 885 году (882 г.?) годили въ Новгородѣ серебряныя гривны. Здѣсь, вѣроятно, разумѣется числительная монета бѣличьими и куньими шкурками“.

А Карамзинъ говоритъ: „именемъ гривны означалось извѣстное число кунъ“³.

Относительно *вѣшки* и *вѣверицы* нужно сказать слѣдующее: въ Русской Правдѣ *вѣкша* и *вѣверица* упоминаются въ смыслѣ денежныхъ знаковъ, и поставлены рядомъ и слитно съ такими денежными знаками, которые назывались *кунами*, напр.: „А вирнику 6 *гривенъ* и 10 *рѣзанъ* и 12 *вѣшки*“; или: „а отъ свободивше челядинъ 9 *кунъ*, а металнику 9 *вѣшки*„

и т. д. Это даетъ право изслѣдователю сдѣлать заключеніе, что вѣкша и вѣверица были однородными денежными знаками съ ногатою, куной и рѣзаномъ, а, слѣдовательно, вѣкша и вѣверица были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ, а ничѣмъ либо инымъ.

Справедливость такого вывода для денежнаго знака вѣкши доказывается его собственнымъ именемъ — *вѣкша*, которое указываетъ на пушнаго звѣрька — *вѣкшу*.

Что же касается вѣверицы, то относительно ее нужно сказать, что имя вѣверица также принадлежало небольшому пушному звѣрьку, на это указываетъ лѣтопись по Ипатскому списку; въ ней, подъ 1114 годомъ, разсказывается событіе, невѣроятность котораго не имѣетъ значенія, а подробности въ немъ заключающіяся, какъ указатели, заслуживаютъ вниманія, напр. „спаде туча, а въ той тучи спаде *вѣверица млада*, акы топерво рожена“. Въ этомъ извѣстїи выраженіе „*топерво рожена*“ можетъ относиться только къ звѣрю, ибо птицы — высиживаютъ, а рыбы — мечутъ; необычайность же обстановки: — „*спаде въ тучи*“, указываетъ на малую величину этого звѣрька. Вообще же, все заставляетъ думать, что вѣкша и вѣверица есть однозначашія имена, на это указываетъ и Русская Правда, по нѣкоторымъ спискамъ которой, вирникъ беретъ „по *Ѣ векошѣ*“, а по другимъ — по „*Ѣ вѣверицы*“. Карамзинъ вѣкшу, вѣверицу, бѣль, бѣлку и бѣлу считаетъ однозначашими именами⁴, а Фил. Кругъ замѣчаетъ: „вѣверица и вѣкша, или вѣкшица были, кажется, общія названія“⁵. Поэтому, если денежный знакъ вѣкша былъ цѣльною шкуркою, то и однозначашая съ нимъ вѣверица также должна быть цѣльною шкуркою.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ сдѣлать такой общій выводъ, что во времена Ярослава I, и ранѣе, 1) денежные знаки, носившіе названія: ногата, куна, рѣзанъ, вѣкша, и вѣверица,—были *кунами*, т. е. были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ, и 2) денежные знаки, носившіе названія: *гривна* и *полу-гривна*,—были *гривнами-кунъ* и *полугривнами-кунъ*.

Въ Русской Правдѣ, когда гривна упоминается въ единственномъ числѣ, то она въ большинствѣ случаевъ называется сложнымъ именемъ—*„гривна-кунъ“*, напр.: „за жеребецъ *гривна-кунъ*, или *„гривна-кунъ* сметная отроку“; или: „а за вервь *гривна-кунъ“* и т. д. А когда о гривнѣ говорится во множественномъ числѣ, то гривны *всегда* называются только простымъ именемъ, безъ прибавленія слова *„кунъ“*, напр.: „за княжь конь 3 *гривны*“, или: „за иного коня двѣ *гривны*“, или: „за обиду 3 *гривны*“ и т. д. Такъ и въ лѣтописи подъ 882 годомъ значится: „отъ Новгорода по 300 *гривенъ* на лѣто“,—безъ прибавленія слова *„кунъ“*.

Такую особенность въ употребленіи слова гривна въ единственномъ и во множественномъ числѣ я не могу объяснить, и считаю эту особенность не существенной.

А слово *„полугривна“* всегда употреблялось безъ прибавленія пояснительнаго слова *„кунъ“*, напр.: „по *полугривнѣ* голова коняча“, или: „за лонщину *полугривна*“ и т. д. Со словомъ полугривна такъ поступали, вѣроятно, потому, что денежнаго знака—*„полумарки* или *полугривны* серебра“ не существовало, а поэтому не было надобности различать полугривны особыми пояснительными прилагательными именами.

Во времена Ярослава I и ранѣе, денежные знаки

на Руси назывались и *кунами* и *скотомъ*, на что указываютъ Русская Правда и лѣтопись. Такъ напр. въ Русс. Правдѣ есть статья подъ заглавіемъ: „А оже кто *скотъ* взыщеть“, а самый текстъ этой статьи изложенъ такъ: „А оже кто взыщеть, *коунъ* на друзѣ...“ Въ этомъ примѣрѣ слова: *скотъ* и *куны* замѣняются одно другимъ, причемъ каждое изъ нихъ означаетъ деньги, изъ чего слѣдуетъ, что въ описываемое время *куны* и *скотъ* были словами однозначными. С. Соловьевъ говоритъ: „Общимъ названіемъ, соотвѣтствующимъ теперешнему нашему „*деньги*“, было—*куны*, которое замѣняло встрѣчавшееся въ начальномъ періодѣ названіе „*скотъ*“. А по мнѣнію Карамзина: „Кунями назывались въ старину деньги, а скотницею—казна“.

Справедливость всего вышеизложеннаго относительно слова *скотъ* подтверждается многими указаніями, изъ которыхъ я ограничусь только двумя примѣрами, именно, въ Русс. Правдѣ постановлено: „А оже есть изломилъ копье или щить, аще ли начнетъ примѣтати, то *скотомъ* ему заплатите“. Или въ лѣтописи подъ 1018 годомъ читаемъ: „Новгородцы для Ярослава начаша *скотъ* собираша отъ мужа по 4 *куны*, а отъ старосты по 10 *гривенъ*, а отъ боярь по 18 (80) *гривенъ*, приведоша Варяги и вдаша имъ *скотъ*“.

Въ приведенныхъ примѣрахъ слово *скотъ* вездѣ несомнѣнно означаетъ деньги. Но въ старину на Руси слово *скотъ* кромѣ того означало еще *мѣховую казну* (впослѣдствіи:—скура, бѣль, соболиная казна, рухлядь), почему мѣсто, гдѣ хранилась мѣховая казна, называлось—*скотницею*, а завѣдывающій этою казною,— *скотникомъ*. Такъ въ лѣтописи подъ 996 годомъ читаемъ:

„Владиміръ повелѣ всякому нищему и убогому приходите на княжъ дворъ и взимати... отъ *скотникъ* кунами“. А въ посланіи Никифора къ Владимиру Мономаху сказано: „но *скотница* твоя по Божей благодати не скудна есть и не истощима“⁷ и т. д. По мнѣнію Болтина, слово *скоть* происходитъ отъ шведскаго слова Skatt (скоть), что значитъ деньги, казна, сокровище. На это мнѣніе Карамзинъ замѣчаетъ: „но когда латинское слово pecunia (деньги, имѣніе, богатство) происходитъ отъ pecus (скоть), то и древнее русское имя *скотница*, въ смыслѣ казны, не можетъ ли имѣть такова же происхожденія? Домашній скоть былъ первымъ богатствомъ людей“⁸.

На это можно возразить, что скоть, т. е. домашнія животныя играютъ роль денегъ (казны) только у народовъ пастушескихъ, а Русскіе, въ начальномъ періодѣ своей исторіи, скотоводствомъ не занимались поэтому домашнимъ скотомъ, въ особенности крупнымъ рогатымъ и лошадьми, они были очень бѣдны, что удостовѣряютъ греческіе и арабскіе писатели. Такъ напр. Константинъ пишетъ: „быковъ, лошадей и овецъ (?) совсѣмъ у Русовъ нѣтъ; они начали покупать домашній скоть у Печенѣговъ, и съ тѣхъ поръ зажили получше“. И по свидѣтельству арабскаго писателя Ибнъ Даста: у Русскихъ „рабочаго скота мало“⁹. А Вел. князь Святославъ говоритъ своей матери Ольгѣ, что онъ получаетъ „изъ Чеховъ и изъ Угровъ серебро и *кони*. На основаніи всего здѣсь сказаннаго,—и признавая первоначальное цивилизаторское значеніе Варяговъ на Новгородскихъ Славянь,—приходится отдать предпочтеніе Болтинскому объясненію слова „*скоть*“¹⁰.

Поэтому, если *куны* и *скоть* слова однозначая,

а слово *скоть* означало еще *мѣха*, *мѣховую казну* (скотница), то этимъ еще лишній разъ доказывается, что денежные знаки—*куны* были *мѣхами*, т. е. были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ, а не кожаными лоскутками.

Разнообразіе названій, встрѣчаемое у первыхъ русскихъ денежныхъ знаковъ, какъ-то: *ногата*, *рѣзанъ*, *куна*, *вѣкша* и *вѣверица*, указываетъ, что во время Ярослава I, и ранѣе, на Руси значеніемъ денегъ пользовались не однѣ, въ точномъ смыслѣ, *куны шкурки*, но и шкурки нѣкоторыхъ другихъ пушныхъ звѣрьковъ, такъ напр. денежный знакъ *вѣкша*,—не возбуждая сомнѣнія,—можетъ быть опредѣленъ шкуркою *вѣкши*, какъ *куна*—шкуркою *куницы*. А какимъ звѣрькамъ принадлежали шкурки, носившія названія: *ногата* и *рѣзанъ*? на этотъ вопросъ ни въ отечественныхъ письменныхъ памятникахъ, ни въ сказаніяхъ иноземцевъ, нѣтъ прямыхъ указаній, косвенныхъ же указаній имѣемъ достаточно.

Такъ, 1) зная, что *ногата* и *рѣзанъ* назывались *кунами*, мы съ полнымъ правдоподобіемъ можемъ сказать, что *ногата* и *рѣзанъ* были шкурками *черной куницы* и *бѣлой куницы*, какъ *куна*—шкуркою *обыкновенной куницы*, почему эти денежные знаки и получили общее для нихъ названіе—*куны*. А намъ уже извѣстно, что русскіе, въ старину, *соболя* называли *черной куной*, а *горностая*—*бѣлой куной*.

Слѣдовательно, денежные знаки *ногата* и *рѣзанъ* были шкурками *соболя* и *горностая*. А чтобы въ этомъ убѣдиться, рассмотримъ шкурки названныхъ звѣрьковъ.

2) Разсматривая шкурки *соболя* и *горностая*, мы увидимъ, что *только онѣ*, по своимъ качествамъ,

вполнѣ походили на шкурку куницы, почему въ древней Россіи *только* онѣ могли исполнять роль денежныхъ знаковъ, ибо: а) шкурки соболя и горностая, подобно шкуркѣ куницы, имѣли высокую рыночную цѣну, почему годились для производства крупныхъ платежей, неизбѣжныхъ при оптовой торговлѣ; б) по своимъ размѣрамъ шкурки соболя и горностая, какъ и шкурка куницы, были не велики и по вѣсу—легки, почему ихъ, подобно монетѣ, было удобно носить и передавать изъ рукъ въ руки, не портя мѣха, причемъ в) эти шкурки были многочисленны и повсемѣстно распространены, какъ и шкурки куницы, на что указываютъ дани, которыя ими платились, а мѣха другихъ звѣрьковъ имѣли только нѣкоторыя изъ этихъ необходимыхъ качествъ, но не всѣ. Благодаря перечисленнымъ качествамъ, шкурки соболя и горностая, какъ и шкурки куницы, иноземцы принимали охотнѣе всякаго другого товара.

3) Но самымъ сильнымъ косвеннымъ доказательствомъ, что шкурки соболя и горностая, какъ и шкурка куницы, входили въ русскую древнѣйшую денежную систему, служить счетъ *по сороку* или *сорочками* и *полусорочками*, установившійся для нихъ въ оптовой торговлѣ мѣхами. Надо думать, что счетъ *по сороку* и *сорочками* произошелъ слѣдующимъ образомъ: въ XII вѣкѣ, и позже, *гривна-кунъ* и *сорочекъ* означали одинъ и тотъ же денежный знакъ, на это указываетъ Уставная грамота Новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 года; въ ней постановлено: „емлетъ Пискупъ за десятину отъ виръ и продажъ 100 гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаетъ Доможиричъ изъ Онѣги...“. А въ Онѣгѣ эти гривны назывались *сорочками*; для доказательства продолжу

начатую выписку изъ указанной Уставной грамоты Святослава: „... въ Онѣгѣ, на Волдутовѣ погостѣ 2 *сорочка*..., у Чудина *полусорочекъ*..., на Борку *сорочекъ*, въ Отминѣ *сорочекъ*, у Порогопустыць *полусорочка*, у Волдита два *сорочка*, на Волоцѣ въ Моши два...“¹¹. и т. д. Эти сорочки указываютъ, что позднѣйшая гривна,---о которой рѣчь впереди,---состояла изъ 40 кунъ, почему куна, ногата и рѣзанъ, которые употреблялись на составленіе гривенъ или сорочковъ, считались *сороками* или *по сороку*. А когда въ XIV вѣкѣ въ Московской Руси гривны-кунъ и куны единцы были замѣнены собственной серебряной монетой, то куны, или мѣха, ихъ составлявшіе, обратились въ товаръ, но по живучести торговыхъ обычаевъ и пріемовъ (гостинные двory до сихъ поръ существуютъ), эти мѣха продолжали считать *по сороку* или *сороками* и *полусороками*. Герберштейнъ,— жившій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 годахъ,—пишетъ: „у Русскихъ для мѣховъ употребляется такой способъ счисленія: *по сороку* и по девяносту; считая, они повторяютъ,—*два сорока, три сорока* и т. д., или два девяносто, три девяносто и т. д.“¹². (Ниже мы увидимъ, что счетъ по девяносту относился къ вѣкшѣ или бѣлкѣ).

Какіе же мѣха въ XIV вѣкѣ въ Россіи считались *по сороку* или *сороками*?

На этотъ вопросъ даетъ прекрасный отвѣтъ Олеарій, также бывшій въ Россіи въ XVI вѣкѣ. Олеарій пишетъ: „Вел. князь Московскій Федоръ Іоанновичъ въ 1595 году послалъ въ подарокъ Императору Рудольфу II:—1003 *сорока соболей*, 519 *сороковъ кунницъ*, да 120 чернобурыхъ лисиць, 337000 простой лисицы, 3000 бобровъ, да 1000 волчихъ шкуръ и 74 лосины“¹³. Въ этомъ извѣстіи Олеарія не упоминается горностаи,

поэтому свидѣтельство иноземца я дополню выпиской изъ Мытной книги: „...Левко Бендимтовичъ, жидъ Пинскій, мѣль товаръ... ухторовъ 60, *горностаевъ сороковъ* 7..., а Эсковичъ, жидъ Кобринскій, мѣль козлинъ малыхъ 135, *горностаевъ сороковъ три*...“¹⁴. и т. д.

Слѣдовательно, *сороками* или *по сороку* считались только *соболь, куница* и *горностаи*, всѣ же остальные мѣха имѣли обыкновенный штучный счетъ.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что во времена существованія денежныхъ знаковъ *кунъ, сороками считались* (съ XII вѣка) *ногата, куна* и *рззанъ*, а по уничтоженіи кунъ, *сороками или по сороку стали считать шкурки куницы, соболя и горностаю*. Тутъ уже самъ собой напрашивается выводъ, что денежные знаки: *куна*—была шкуркой куницы, а *ногата* и *рззанъ*—были шкурками соболя и горностаю.

Все только что изложенное въ достаточной мѣрѣ объясняетъ разнообразіе названій у первыхъ русскихъ денежныхъ знаковъ, а изслѣдователю даетъ основаніе сказать утвердительно, что шкурки соболя и горностаю, какъ и шкурка куницы, входили въ нашу древнѣйшую денежную систему, на что указываетъ сохранившійся за ними счетъ *по сороку* или *сороками* (а для вѣкши по *девятиности* и *тысячами*). Прочіе же мѣха, напр. медвѣдя, волка, разсомахи, рыси, выдры, хорька, бобра, лисицы и др. пушныхъ звѣрей, хотя имѣли цѣну и охотно принимались иноземцами, но въ нашу древнѣйшую денежную систему не входили, и пользовались значеніемъ только товара¹⁵. Эти мѣха въ торговлѣ имѣли обыкновенный штучный счетъ; одинъ, два, три, и т. д. Такъ случилось, вѣроятно,

потому, что переименованные сейчасъ мѣха не удовлетворяли всѣмъ условіямъ, необходимымъ для денежнаго знака; они, сравнительно съ кунами, были или малочисленны, или велики, а слѣдовательно и тяжелы, что затрудняло ихъ носку и передачу изъ рукъ въ руки. Ниже мы увидимъ, что въ гривнѣ-кунѣ заключалось:—въ старой—до 50 шкурокъ, а въ новой—до 40 шкурокъ кунѣ; зная это, станетъ понятнымъ, что такое число, даже бобровыхъ или лисьихъ шкурокъ, должно было представлять не малое затрудненіе, сопряженное съ порчею мѣха при носкѣ, ибо эти шкурки, имѣя длину до 4 футовъ, волочились бы по землѣ, а въ связкѣ представляли бы объемъ, по величинѣ, крайне неудобный для передачи изъ рукъ въ руки.

Слѣдовательно, въ древней Россіи значеніемъ денегъ пользовались не всѣ мѣха, а только шкурки *куницы*, *соболя*, *горноста* и *вѣкши*, а всѣ другіе мѣха составляли только *товаръ*, который назывался *скорою* и *бѣлюю*, позднѣе—соболиной казной (съ XV в.), рухлядью. Такъ въ Новгородской харатейной лѣтописи подъ 1068 годомъ читаемъ: „Кіевляне дворъ княжь разграбиша, безчисленіе множество золота и серебра и *кунами* и *скорою*“; а въ Софійскомъ временникѣ вмѣсто словъ: *и кунами и скорою*“, поставлено: „*и кунами и бѣлюю*“.

Въ этомъ извѣстіи мѣха монетные—*куны* различаются отъ мѣховъ товарныхъ:—*скоры* или *бѣлы*.

Въ заключеніе этой главы скажу, что счетъ *по сороку* или *сороками*, примѣнявшійся къ соболу, кунницѣ и горностаю, бывшимъ ногатамъ, кунамъ и рѣзанамъ, служить еще однимъ лишнимъ и очень

**СИЛЬНЫМЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМЪ, ЧТО ДРЕВНІЯ *куны* БЫЛИ
ЦѢЛЬНЫМИ ШКУРКАМИ, А НЕ КОЖАННЫМИ ЛОСКУТКАМИ И
НЕ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ МОНЕТОЙ.**

Глава V.

Куна есть шкурка куницы, ногата—шкурка соболя, а рѣзанъ—шкурка горностая. Вѣкша или вѣверица—шкурка вѣкши.

Установивъ, основываясь на косвенныхъ доказательствахъ, что шкурки соболя и горностая, какъ шкурка куницы, входили въ русскую древнюю денежную систему, остается еще указать: которая изъ этихъ шурокъ называлась—ногатой и которая—рѣзаномъ.

Для рѣшенія этого вопроса, за неимѣніемъ точныхъ свѣденій, я опять-таки обращусь къ косвеннымъ указаніямъ. Вѣрнѣйшимъ указаніемъ будетъ сравненіе, съ одной стороны, цѣны—соболя и горностая, а съ другой—цѣны ногаты и рѣзана.

Въ современной торговлѣ мѣхъ соболя цѣнится гораздо дороже мѣха горностая; и въ старину мѣхъ соболя считался самымъ цѣннымъ мѣхомъ, на что указываютъ такіе обычаи: на царскихъ свадьбахъ на сидѣнье жениха и невѣсты клали собольи мѣха, молодыхъ опахивали соболями, богоявленскія свѣчи обертывали соболями, царскую одежду подбивали соболями, царямъ въ даръ преподносили соболей, и т. д., а мѣху горностая нигдѣ не дается такого выдающагося значенія. Изъ чего слѣдуетъ, что мѣхъ соболя въ старину цѣнился дороже мѣха горностая, это подтверждаютъ и иноземцы; напр. Марко Пооло, описывая ханскій шатеръ, говоритъ: „внутри отдѣленія шатра обиты горностаями и соболями, драгоцѣн-

нѣйшими изъ всѣхъ мѣховъ.... Татары соболей мѣхъ называютъ царемъ всѣхъ мѣховъ“¹.

Слѣдовательно; въ старину мѣхъ соболя цѣнился дороже мѣха горностая.

А для опредѣленія сравнительной цѣны денежныхъ знаковъ—*ногаты* и *рѣзана*, обратимся къ Русской Правдѣ, приложенной къ Софійскому временнику; тамъ есть нѣсколько вычисленій примѣрной прибыли отъ 12-ти лѣтняго приплода домашнихъ животныхъ; на выдержку возьмемъ слѣдующій примѣръ: „отъ 22 козъ на 12 лѣтъ приплода 90112 козъ; а то кунами 27033 гривны и 30 рѣзанъ; а коза метана по 6 ногатъ“¹.

Въ этомъ примѣрѣ стоимость всего приплода высчитана въ *рѣзанахъ*, а коза оцѣнена *ногатами*, что даетъ возможность арифметическимъ способомъ опредѣлить сравнительную цѣну ногаты и рѣзана, для чего этотъ примѣръ выразимъ въ формѣ задачи, предположивъ, что гривна кунъ равна 20 ногатамъ. $90112 \text{ козъ} \times 6 \text{ ногатъ} = 540672 \text{ ног.} : 20 = 27033 \text{ гривны}$ и 12 ногатъ. А составитель расчета этотъ итогъ выразилъ въ рѣзанахъ такъ: 27033 гривны и 30 рѣзанъ.

Изъ сопоставленія этихъ итоговъ получается выводъ, что 12 ногатъ равны 30 рѣзанамъ. Изъ чего слѣдуетъ, что *ногата была въ 2¹/₂ раза дороже рѣзана*.

Теперь, послѣ сдѣланнаго сопоставленія соболя и горностая и цѣны ногаты и рѣзана, мы можемъ сказать утвердительно, что *мѣхъ соболя*,—какъ болѣе дорогой,—будетъ соответствовать ногатъ, а *мѣхъ горностая*,—какъ менѣе дорогой,—будетъ соответствовать рѣзану.

Общій выводъ:

Куна есть шкурка куницы (лѣсной и каменной).

Ногата есть шкурка соболя (черная куна).

Рѣзанъ есть шкурка горноста́я (бѣлая куна).

А общее для нихъ названіе—*куны*, иногда—*скотъ*.

Большинство нашихъ изслѣдователей (вѣрнѣе— всѣ) для опредѣленія: что такое ногата? и что такое рѣзанъ? держатся инаго способа. Они,—основываясь на корнѣ словъ,—ногату, производятъ отъ слова *нога*, а рѣзанъ,—отъ глагола *рѣзать*, почему и предполагаютъ подъ названіемъ ногата и рѣзанъ, не цѣльныя шкурки, а части ихъ; такъ ногату считаютъ за *лапку*, а рѣзанъ—за *отрѣзокъ шкурки*, т. е. за кожаный лоскутокъ. Нѣкоторые же изслѣдователи подъ этими названіями видятъ *металлическую монету*, такъ напримѣръ:—

По мнѣнію Болтина: „куна, рѣзанъ, ногата были монеты“².

По мнѣнію Карамзина: „въ гривнѣ было 20 ногатъ или 50 рѣзаній... Сими именами обозначались мелкія кожанныя монеты, ходившія въ Россіи и въ Ливоніи“³.

По мнѣнію Заблоцкаго: „Встрѣчаемое затрудненіе въ примѣненіи цѣльныхъ мѣховъ къ различнымъ потребностямъ мелочнаго торго заставило (когда?) обратиться къ мысли рѣзать ихъ, въ видѣ раздѣленія ихъ на меньшія монетныя цѣнности, на куски, получившіе различныя названія: мордокъ, ногатъ, рѣзаній и пр.“⁴.

По мнѣнію Коченовскаго: „Весьма вѣроятно предполагать можно, что упоминаемые въ лѣтописяхъ нашихъ напр. бѣлы-лобки и куньи мордки, (а по смыслу статьи—и ногаты и рѣзаны) суть не части сихъ звѣрковъ вещественныя, какъ многіе сіе утверждаютъ, почитая оныя, яко бы по не имѣнію веще-

ственной или дѣйствительной металлической монеты за настоящіе или поддѣльные лобки и мордки, названія особыхъ и цѣною различныхъ монетъ съ изображеніемъ оныхъ частей, или самыхъ звѣрьковъ“.

Далѣе Коченовскій говоритъ: „не отрицаю употребленія и кожаныхъ лоскутковъ“ (а когда?)⁵.

Мальгинъ буквально повторяетъ сказанное Коченовскимъ⁶.

По мнѣнію С. Соловьева ногаты были кожаными лоскутками съ серебряными гвоздиками: „такова была именно форма древнѣйшихъ ассигнацій въ Европѣ“⁷.

Фил. Кругъ говоритъ: „мнѣ кажется естественнѣе производить слово *рѣзанъ* отъ глагола рѣзать“⁸.

Баронъ де Шодуаръ пишетъ: „Сіе слово (рѣзанъ), кажется производнымъ отъ глагола рѣзать, и потому могло бы объяснить значеніе подъ разными названіями отрѣзковъ кожъ или мѣховъ во время употребленія ихъ вмѣсто денегъ. Рѣзаны часто встрѣчаются въ древнихъ договорахъ и временникахъ. Въ Русской Правдѣ по списку, вошедшему въ Новгородскую лѣтопись, слово рѣзанъ стоитъ тамъ, гдѣ въ другихъ рукописныхъ спискахъ сего закона поставлено слово куна. Изъ сего же можно заключить, что куна значила не только цѣльный мѣхъ, но и отрѣзокъ (купонъ).“

А относительно ногаты Шодуаръ высказываетъ такое мнѣніе: „Ногаты первоначально ходили въ сѣверныхъ областяхъ и по берегамъ Балтійскаго моря. Финское слово Ногатъ, *Nohat*, значитъ звѣриную кожу, мѣхъ, отъ чего, вѣроятно, и *монета ногата* получила свое названіе. Другіе же производятъ оное отъ русскаго слова „ноги“, можетъ быть это была кунья шкурка, разрѣзанная на четверо. Князь Щербатовъ думалъ, что ногата произошла отъ слова ногти,

но потомъ передумалъ и искалъ корня сего названія въ словѣ „ногата“, доказывая, будто такъ называли какой либо низкошерстный мѣхъ, не дорогой цѣны. Названіе ногаты находится въ Русской Правдѣ, во многихъ лѣтописяхъ Русскихъ и Прусскихъ и договоровъ между Смоленскими князьями и г. Ригю... Успенскій думаетъ, что сія монета была не кожаная но серебряная, и ссылается на одну такую съ надписью „ногата“; по свидѣтельству г. Рижскаго (б. Ректора Харьковскаго университета), она величиною меньше полупки, Каченовскій М. Т. упоминаетъ также объ одной, находившейся въ собраніи Г. Руссова, но оба они не описали сихъ двухъ монетъ подробно и не означили вѣса“. Посему, если та монета имѣетъ достовѣрность и основательно разсмотрѣна, то ногата сначала была кожаная, и впоследствии времени сообщила свое названіе серебряной монетѣ⁹.

А изъ резюме, помѣщеннаго въ энциклопедическомъ словарѣ, видно, что Погодинъ, Казанскій, Авенаріусъ, Проф. Прозоровскій и Мрачекъ Дроздовскій считаютъ куны, — значить и ногаты и рѣзаны, — металлической монетой¹⁰.

Это всѣ свѣденія, которыя мнѣ извѣстны изъ русской литературы относительно мнѣній о денежныхъ знакахъ: ногатахъ и рѣзанахъ.

Выше приведенныя мнѣнія нашихъ историковъ и изслѣдователей о денежныхъ знакахъ ногатахъ и рѣзанахъ, — не будучи результатомъ изслѣдованія, — являются произвольными и бездоказательными догадками, почему ни одно изъ нихъ не можетъ быть признано исторически вѣрнымъ.

По произведенному же мною документальному и всѣстороннему изслѣдованію получился выводъ, что

денежные знаки: ногата и рѣзанъ были цѣльными шкурками соболя и горноста, а поэтому названія ихъ должны происходить не отъ словъ: „нога и рѣзать“, а отъ чего либо другого. Что бы убѣдиться въ этомъ разсмотримъ каждый изъ названныхъ денежныхъ знаковъ въ отдѣльности.

О ногатѣ въ первый разъ упоминается въ Русской Правдѣ Ярослава I, но все заставляетъ думать, что денежный знакъ *ногата* установленъ гораздо раньше, именно въ одно время съ *гривною-кунь*, на составленіе которой ногата, — какъ куна, — употреблялась. А мы уже знаемъ, что денежный знакъ гривна впервые упомянуть въ концѣ IX вѣка, именно въ 882 году, когда Олегъ, устанавливая дани, положилъ брать отъ Новгорода „по 300 *гривень* на лѣто“.

А въ лѣтописи первое извѣстіе о ногатѣ встречаемъ подъ 1123 годомъ: „на весну ходи Всеволодъ съ Новгородцы на Ъмъ и побѣди я; и лють баше путь, оже купляху по *ногатъ* хлѣбъ“.

Затѣмъ подъ 1169 годомъ читаемъ: „Въ Новгородѣ, купляху Суздальца по *Ѣ ногатъ*“.

Въ слѣдующемъ, 1170 году, „бысть дороговъ въ Новѣгородѣ, купляху кадь ржи по *Д* гривны, а хлѣбъ по *Ѣ ногатъ*, а медъ по *Г* кунъ пудъ“ и т. д.

Послѣднія извѣстія о ногатахъ восходятъ до XV вѣка, именно въ Псковской лѣтописи подъ 1420 годомъ сообщается, что „на всю Рускую землю бысть гладъ великъ... въ Псковѣ тогда баше зобница ржи по 70 *ногатъ*, а жито по 50, а овесъ по 30 *ногатъ*“.

Еще упоминается ногата въ Государственныхъ актахъ Смоленскаго княжества, именно: а) въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыд. (Александра) съ Нѣмцами 1229 года—постановлено: „Коупить

Латинескій гривну золъта, дасть вѣсити, дати іеому вѣсцѣ *ногата* Смольнеская“— „Аже Латинскій коупить соуды серебряные, дати іеому вѣсцю отъ гривны серебра по *ногатъ* Смольнеской“.

б) Въ Уставной грамотѣ Князя Ростислава постановлено; „а се погородіе отъ Мстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы, а се отъ Крупля гривна урока, а пять *ногатъ* за лисицу“¹¹.

Въ этихъ выпискахъ упоминаемая „*ногата* Смольнеская“ и „пять *ногатъ* за лисицу“ являются такими подробностями, которыя требуютъ обстоятельнаго объясненія. Это объясненіе мною будетъ дано во 2 части моего труда, при изслѣдованіи причинъ паденія цѣны кунъ и при описаніи мѣръ, которыя принимались Смоленскими князьями къ поднятію курса кунъ:

Въ заключеніе скажу, что *ногата* упоминается не только въ Русской лѣтописи, но и въ Лифляндской хроникѣ Грубера, въ которой подъ 1209 годомъ сообщается слѣдующее извѣстіе: „Жители Оденъ-пе заплатили Русскимъ 400 славянскихъ марокъ (гривенъ-серебра) *ногатами*; а въ слѣдующемъ году жители Варполя въ Эстоніи заплатили имъ же 700 гривенъ *ногатами*“¹².

А такъ какъ на Финскомъ языкѣ звѣриная шкура называется *нахатъ*—*Nahat*,—а на эстонскомъ языкѣ и шкура и мѣхъ называются *нахкъ*,—*Nachk*,—то совокупность извѣстій Лифляндской хроники съ приведенною филологическою справкой, ясно указываетъ, что слово *ногата* есть не русское слово, происходящее отъ *нога*, а финское, и надо думать, что оно перешло къ русскимъ вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ намъ мѣхомъ, носившимъ названіе *ногатъ*, отъ покорен-

ныхъ и побеждаемыхъ финскихъ племенъ; а такъ какъ русскіе преимущественно брали дань „*черными кунами*“, т. е. соболями, то подь *финской ногатой* надо видѣть *мѣхъ соболя*. Если же къ этому добавимъ, что звѣрекъ, нынѣ называемый нѣмецкимъ именемъ *соболь*, Zobel, такъ сталъ называться въ Россіи только съ XII вѣка, своего же русскаго имени, кромѣ „*черная куна*“, онъ не имѣлъ, то получается основаніе къ предположенію, что Русскіе правители, устанавливая денежные знаки, во избѣжаніе смѣшенія *черной куны* съ бѣлой *куной* и обыкновенной *куной*, соболя назвали *ногатой*, т. е. тѣмъ именемъ, подь которымъ онъ поступалъ въ княжескую казну въ видѣ дани и отроковъ отъ Финскихъ племенъ.

Относительно денежнаго знака *рѣзанъ* мы еще меньше знаемъ, чѣмъ о *ногатѣ*. Первое извѣстіе о *рѣзанѣ* мы встрѣчаемъ въ Русской Правдѣ, которая помѣщена въ видѣ сокращеннаго свода при Новгородской харатейной синодальн. лѣтописи; за тѣмъ *рѣзанъ* еще упоминается въ Русской Правдѣ, находящейся при Софійскомъ временникѣ, но упоминается не въ самомъ текстѣ „Правды“, а въ „*Расчетѣ*“ примѣрной прибыли за 12 лѣтъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Этотъ расчетъ составленъ позднѣе Русской Правды, именно въ XIII вѣкѣ, и въ Р. Правду вставленъ, какъ бы клиномъ, раздѣляя собою статью „О мѣсячномъ *рѣзу*“.

Въ лѣтописи *рѣзанъ* въ первый разъ упоминается въ Новгородской харатейной подь 1137 годомъ: въ Псковѣ „*стоя все лѣто осмьнка великая по 7 рѣзанъ*“. Но о дѣйствительномъ времени появленія денежнаго знака *рѣзанъ* нужно сказать тоже самое, что и о *ногатѣ*, именно: все заставляетъ думать, что *рѣзанъ*

установленъ въ одно время съ гривною, на составленіе которой рѣзанъ, какъ и ногата, употреблялась. А мы уже знаемъ, что денежный знакъ *гривна* впервые упоминается въ концѣ IX вѣка, именно въ 882 году, когда Олегъ „устави дани... отъ Новгорода по 300 гривенъ на лѣто“.

Рѣзанъ сравнительно съ куной и ногой упоминается очень рѣдко; послѣднѣе извѣстіе о денежномъ знакѣ подъ именемъ рѣзанъ восходитъ до 1375 года: въ договорѣ между великими князьями Московскимъ и Тверскимъ постановлено: — „хоженаго въ городѣ алтынъ,... а дальній ѣздъ верста по *рѣзани*, а на правду вдвое...“¹³.

И въ народной поэзіи ногата и рѣзанъ не забыты; такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится: „была бы у насъ Половецкая раба по *ногатъ*, а рабъ по *рѣзану*“.

Происхожденіе слова рѣзанъ по дошедшимъ до насъ письменнымъ памятникамъ опредѣлить нельзя, но производить это слово отъ глагола *рѣзати* будетъ также справедливо, какъ и производство слова ногата отъ ноги, гривны—отъ гривы. По моему мнѣнію, названіе рѣзанъ происходитъ отъ древне—русскаго слова „*рѣзы*“, что значило прибыль, ростъ, процентъ. Такъ въ Русской Правдѣ въ статьѣ „О рѣзаимствѣ“ постановлено: „аще кто куны дастъ *въ рѣзы* или въ наставы медь, или жито въ присопъ, то послуши ему ставити, какъ ся съ нимъ будетъ рядиль, тако же ему имати“.

Смыслъ этой статьи подтверждаетъ, что слово *рѣзы* означало прибыль, ростъ, процентъ, но эта же статья даетъ основаніе производить слово *рѣзанъ* отъ слова *рѣзы*, ибо эта статья указываетъ, что во

времена Ярослава I, и ранѣе, хотя кредитъ въ Россіи существовалъ, но съ формальной стороны онъ былъ обставленъ очень просто: всѣ формальности,—въ видѣ росписокъ, векселей и т. п. юридическихъ актовъ,—замѣнялись *послухами*, т. е. свидѣтелями. Въ слѣдующей статьѣ „О мѣсячномъ рѣзу“ процедура отдачи и взысканія долга такъ изложена:

„А мѣсячный рѣзъ оже за мало денегъ, то имати ему; а зайдуть ли куны до того же году, то дадутъ ему куны въ трети, а мѣсячны рѣзы погренути. *Послуховъ* ли не будетъ, а будетъ кунъ 3 гривны, то идти ему по свои куны ротѣ; будетъ ли кунъ болѣе, то речи ему тако: промиловался еси, оже еси *послуховъ* не ставилъ“ (За симъ сейчасъ же слѣдуетъ „Расчетъ“ прибылей за 12 лѣтъ въ сельскомъ хозяйствѣ, а потомъ опять слѣдуетъ продолженіе статьи „О мѣсячномъ рѣзу“.—Соф. временн.).

„А се уставилъ Великій князь Владимерь Всеволодичъ Манамахъ, по Святополцѣ созвавъ дружину свою на Берестовомъ... и уставили и до третьяго рѣзу; а еже емлетъ куны въ рѣзы въ треть, аже кто возметъ два рѣзу, то то ему взяти истое, паки ли возметъ третій рѣзъ, то истое ему не взяти“.

При существованіи кредита, обставленнаго такими простыми формальностями, при которыхъ все основывалось *на памяти послуховъ*, вполне естественно, что законодатель захотѣлъ крѣпче запечатлѣть въ *памяти послуховъ*, что происходитъ предъ ними: отдача *капитала*, или отдача *процентовъ*? а что бы этого достигнуть, законодатель ввелъ *особенный денежный знакъ*, по цвѣту своему рѣзко отличавшійся отъ прочихъ кунъ. Такимъ денежнымъ знакомъ былъ *ярко-бѣлый мѣхъ горностая*: онъ былъ назначенъ

для уплаты *рѣзовъ*, а поэтому его называли *рѣзаномъ*, т. е. процентомъ или процентнымъ.

Вѣроятность и справедливость моего предположенія доказывается слѣдующимъ обстоятельствомъ: мы сейчасъ увидимъ, что денежные знаки *рѣзанъ* и *куна* были равноцѣнны. Спрашивается, — какая надобность была вводить два *однородныхъ* и *равноцѣнныхъ* денежныхъ знака? А коль это случилось, то логика заставляетъ одному изъ этихъ денежныхъ знаковъ дать какое либо особое назначеніе, что я и сдѣлалъ, предположивъ, что денежный знакъ *рѣзанъ* назначался для уплаты *рѣзовъ*, т. е. процентовъ.

Въ ст. „О рѣзѣхъ“ постановлено:—„оже кто емлетъ по 10-ти кунъ отъ лѣта на гривну, то того не отметати“. Эта статья не опровергаетъ мое предположеніе, а на оборотъ, — доказываетъ его справедливость, ибо эта статья указываетъ, что *проценты высчитывались въ кунѣхъ*, а *уплачивались*, благодаря равноцѣнности *рѣзана* и *куны*, — *рѣзанами*.

Съ развитіемъ внѣшней торговли, а главное — съ распространеніемъ между русскими *письменности*, русскіе, ознакомившись съ вексельной системой Запад. Европы, ввели у себя „*дски*“, которыя замѣнили собою *послуховъ*, чрезъ что *рѣзанъ*, — потерявъ свое спеціально назначеніе служить для уплаты процентовъ, — сталъ *только* денежнымъ знакомъ, такимъ же, какъ и *куна*.

Въ Суздальской Московской Руси, по уничтоженіи *кунъ*, названіе денежнаго знака *рѣзанъ*, по закону переживанія именъ, перешло въ названіе какой-то пошлины, что видно изъ жалованныхъ грамотъ, напр. Можайскаго князя Андрея Дмитріевича Кирилову монастырю (1397—1432 г.); въ ней, между прочимъ, сказано: „... а кого игумень посадить своихъ

людей на той пустоши, и тѣмъ людемъ не надобѣ моя дань ні бѣлка, ні *рѣзанка*, никоторая пошлина...“ Или въ жалованной грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича тому же монастырю (1435—1447 г.) говорится: „... и тѣмъ людемъ не надобѣ моя дань, ни писчая моя бѣлка, ни *рѣзанка*, ни иные никоторые пошлины на 20 лѣтъ...“¹⁴.

Мнѣ не извѣстно, въ чемъ заключалась пошлина *рѣзанка*; вѣроятно съ опредѣленіемъ значенія пошлины *рѣзанки* будетъ рѣшенъ вопросъ о происхожденіи названія денежнаго знака—*рѣзанъ*, ибо пошлина *рѣзанка*, несомнѣнно, происходитъ отъ *рѣзана*.

Имена *соболь* и *горностай* въ лѣтописи впервые упоминаются въ XII вѣкѣ, именно подъ 1159 годомъ читаемъ: „Да Ростиславъ Святославу *собольми* и *горностаями* и черными кунами и песцы и бѣлыми волки и рыбьими зубами“.

Нѣкоторые готовы допустить, что названіе *горностай* произошло отъ словъ: *горы* и *стая*, т. е. что звѣрекъ, живущій въ горахъ стаями, сталъ называться *горностаемъ*¹⁵; но извѣстно, что *горностай* въ горахъ стаями не водится, да и въ Россіи на востокъ, до Уральскаго хребта, никакихъ горъ нѣтъ; поэтому происхожденіе слова *горностай* надо искать не въ горахъ, а у иноземцевъ, съ которыми русскіе вели торговлю мѣхамп. Фил. Кругъ говоритъ: въ запад. Европѣ „*горностай* получилъ названіе *гермелина*, *Hermelina*, отъ Арменіи, жители которой вели имъ знатный торгъ, и которая писателями тогдашняго времени называлась *Hermīnia*“.

Въ Академическомъ словарѣ русскаго языка (изд. 1892 г.) слово *горностай* производится отъ *hornu*, древняго верхненѣмецкаго названія *горностая*, и

tagel (сокращенное tal), нижненѣмецкаго названія хвостъ. Но кто и когда горностаю придѣлалъ хвостъ? т. е. кто соединилъ верхненѣмецкое слово *гормо* съ нижненѣмецкимъ словомъ *таль*? чрезъ что получилось сложное слово *гормоталь*, которое русскіе на свой слухъ передѣляли въ *горностай*, объ этомъ академ. словарь умалчиваетъ.

Есть нѣкоторыя основанія искать происхожденіе слова горностай въ Персидскомъ или Арабскомъ языкахъ, ибо азіатскій востокъ не ограничивался одною покупкою у русскихъ мѣховъ, но и каждой вещи чужой страны дѣлалъ описанія, давалъ названія и т. д.

Глава VI.

Княжеская мѣховая казна, сортировка и оцѣнка мѣховъ. Фабрикація кунъ единцовъ и гривень-кунъ. Числительный составъ гривень-кунъ и сравнительная цѣна кунъ-единцовъ.

Въ старину главное богатство Русскихъ-князей заключалось въ мѣховой казнѣ, которая въ одно и тоже время составляла и личную собственность князя и государственную казну. Право дѣлать и выпускать въ обращеніе денежные знаки принадлежало князьямъ. Это право составляло главную доходную статью въ княжескомъ бюджетѣ, ибо фабрикація мѣховыхъ денежныхъ знаковъ, въ сущности была таже торговля мѣхами, главная выгода которой заключалась въ массовомъ сбытѣ товара почти по принудительной цѣнѣ. Такъ Катошихинъ пишетъ: „иноземные купцы привозятъ персидскіе и греческіе товары золотыя и серебряныя издѣлія и ювелирныя; эти товары царю подносятъ они въ дарѣхъ, и послѣ того тѣ товары цѣнятъ торговые люди, иноземцы, и мастера по тамошней турецкой оцѣнкѣ; а вмѣсто того даетца имъ собольми и рухлядью. И такихъ товаровъ на всякій годъ поступаетъ множество, потому что бояромъ и иныхъ чиновъ людямъ купити окромѣ царя никому не вольно; а въ царскую казну *приходятъ они якобы даромъ*“¹.

Куна, ногата, рѣзанъ и векша, какъ денежные

знаки, обращались *отдѣльными шкурками* (единцы) и *связками*—гривны и полугривны.

Во времена Ярослава I и ранѣе, все денежныя знаки: *единцы* и *связки*, фабриковались на княжескомъ дворѣ изъ княжеской мѣховой казны. Поэтому въ старину князья-правители относительно прихода, сортировки, оцѣнки и расхода мѣховой казны имѣли большую заботливость. Для этихъ дѣлъ къ княжеской мѣховой казнѣ приставлялись особыя довѣренныя лица: отъ иноземнаго купечества—ихъ головы, а отъ русскихъ—цѣловальники и сторожи, которые тоже выбирались изъ торговаго сословія. Эти довѣренныя лица подъ клятвою обѣщались, при раздачѣ мѣховъ въ жалованье и при выпускѣ ихъ въ торговлю и въ денежное обращеніе, дѣлать оцѣнку мѣхамъ по совѣсти, соображаясь съ торговой цѣной.

Такіе порядки у княжеской мѣховой казны я предположилъ, основываясь на аналогіи съ порядками болѣе поздняго времени, которые Катошихинъ такъ описываетъ: „А у той соболиной и всякой мягкой казны для оцѣнки и приему и раздачи бывають погодно голова—гость, а съ нимъ товарищи цѣловальники и сторожи, торговые, выборные люди погодно; и выбираютъ ихъ къ той казнѣ своя братія—гости и торговые люди за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ, что имъ тоѣ царскіе казны не красть, и соболей своихъ худыхъ и иныя мягкія рухляди въ казну не приносить и не обмѣнивать..., а велѣно имъ цѣну ставить всякимъ звѣрямъ по прямой московской цѣнѣ, дешевле торговаго малымъ чѣмъ, какъ про царя, такъ и въ раздачу и на пролажу въ розь...“².

Довѣренныя лица у княжеской мѣховой казны,—прежде чѣмъ приступить къ фабрикаціи денежныхъ знаковъ,—сначала сортировали мѣха на три сорта: на *добрыя*, *средніе* и *плохіе*. По окончаніи сортировки, мѣхамъ дѣлалась оцѣнка, затѣмъ для составленія связокъ отъ cadaго сорта брали нужное число шкурокъ, клеймили ихъ, и нанизывали головками на ремешокъ, получались связки. Въ каждой такой связкѣ полагалось не болѣе 20—25 шкурокъ (это гривны и полугривны).

Для денежныхъ знаковъ единцовъ: кунъ, ногать и рѣзанъ, отобранныя шкурки также клеймились; но изъ какого сорта эти шкурки выбирались? неизвѣстно.

И эти порядки я предположилъ на основаніи позднѣйшихъ правительственныхъ распоряженій. Такъ въ „Наказѣ“ Даурскому воеводѣ сказано: „... когда соболиная рухлядь въ сборѣ будетъ, то воеводѣ ту всякую рухлядь велѣти разбирати торговымъ и промышленнымъ людямъ: *лутчей* звѣрь къ лутчему, а *средній* къ среднему, а *худой* къ худому; а разобравъ, велѣти цѣнить торговымъ же и промышленнымъ людямъ тамошнею сибирскою прямою цѣною...; и запечатавъ тое рухлядь государевою печатью, велѣти писати той рухляди цѣновыя росписи...“³.

При составленіи гривень-кунъ требовалось, чтобы въ связку набрать опредѣленное число однородныхъ шкурокъ, но разныхъ сортовъ, которыя бы въ общей сложности по цѣнѣ равнялись нѣмецкой зильберъ-маркѣ или русской гривнѣ серебра. Такимъ подборомъ достигалось то, что все гривны-кунъ и по числу шкурокъ и по цѣнѣ были равны другъ другу, причемъ въ оборотъ пускались *все три сорта* изъ находившихся въ княжеской казнѣ мѣховъ⁴.

Что связки составлялись изъ шкурокъ разныхъ сортовъ, на это указываетъ Уставная грамота таможенникомъ 1586 года; въ ней сказано: „а съ 40 соболей *добраго*, *средняго* и съ *плохаго* по алтыну, а съ 40 куницъ, само собой тѣхъ же сортовъ, по 2 деньги“⁵. Лучшее же описаніе составу связокъ даетъ Герберштейнъ; къ сожалѣнію онъ описываетъ не „*сорочки*“, а „*десятки*“, установленные,—какъ мы увидимъ ниже,—для бѣлки или векши. По свидѣтельству Герберштейна, въ Россіи „бѣлчьи шкурки продаются связками по десяти штукъ вмѣстѣ; въ каждой связкѣ двѣ самыхъ лучшихъ называются *личными*, *Litzschna*; три нѣсколько похужѣ—*красны*, *Crasna*; четыре—*покрасна*, *Pocrasna*; а послѣдняя называется *малоишна*, *Maloischna*, хуже всѣхъ...“⁶.

Надо думать, что десятая шкурка—*хуже всѣхъ*, служила для прочихъ какъ бы оберткой, оберегая ихъ отъ порчи, и поэтому она въ счетъ не шла, на что указываетъ установившійся для бѣлки или векши счетъ „*по-девянносту*“. Поэтому, свидѣтельство Герберштейна подтверждаетъ, что: а) мѣха продавались связками, и б) а связки составлялись нарочно изъ шкурокъ трехъ сортовъ по особымъ правиламъ.

Пользоваться аналогіей съ болѣе позднимъ временемъ, какъ доказательствомъ, или какъ указаніемъ, для изслѣдователя не только позволительно, но даже обязательно, такъ какъ за скудостію письменныхъ памятниковъ, это единственный способъ къ разрѣшенію многихъ загадокъ древней Россіи, и такія доказательства всегда будутъ носить характеръ исторической правды, ибо Русскіе позднѣйшаго времени, любя старину, старались жить по старинѣ и дѣлать такъ, какъ дѣлывали дѣды и прадѣды.

Поддѣлка денежныхъ знаковъ кунь,—были ли онѣ одинами или въ связкахъ,—предупреждалась тѣмъ, что куны представлялись цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ. По свидѣтельству арабскаго писателя XI вѣка, Ахмета де Ту, эти „шкурки съ передними и задними лапками и когтями. Если же чего либо у сихъ шкурокъ не достаетъ, то онѣ считаются ложною монетою“⁷. А подмѣнъ находившихся въ обращеніи хорошихъ денежныхъ шкурокъ на худыя, не денежные, предупреждался наложеніемъ на денежные шкурки правительственнаго клейма, на что есть косвенное указаніе въ Наказѣ Даурекому воеводѣ: „... а ту соболиную рухлядь..., *запечатавъ государевою печатью*, велѣти писати той рухляди цѣновыя росписи“⁸.

Гривень-кунь до насъ не дошло, а также и описанія, какъ онѣ составлялись, т. е. изъ какихъ шкурокъ и по какимъ правиламъ, но все заставляетъ думать, что гривны составлялись изъ ногатъ, кунъ и рѣзанъ, и состояли изъ двухъ полугривень, на это указываетъ счетъ на полугривны и полусорочки, напр. въ лѣтописи подъ 971 годомъ есть извѣстіе, что у Святослава съ дружиною въ Бѣлобережїи „не бѣ брашна; и бѣ гладъ великъ, яко по *полугривнѣ* голова коняча“, или въ Русской Правдѣ въ ст. „Отатьбѣ“ положено „за лонщину *полугривна*“. А въ Уставной грамотѣ Новгородскаго князя Святослава положено брать: „... у Чудина *полусорочька*..., у Помѣ полсорочька...“ и т. д.

А счета на *четверти* гривны и *меньшія доли* во времена Ярослава I, и ранѣе, мы нигдѣ не встрѣчаемъ.

Гривна или гривна-кунь первоначально по цѣнѣ

равнялась нѣмецкой зильберъ-маркѣ или гривнѣ серебра.

Карамзинъ говоритъ: „Именемъ гривны означалось извѣстное число кунъ, нѣкогда равное цѣною съ полуфунтомъ серебра“⁹. Поэтому гривна-кунъ, во времена Ярослава I и ранѣе, представляла собою значительную цѣнность, что вполне естественно, такъ какъ гривна кунъ составлялась изъ очень цѣнныхъ мѣховъ: соболя, куницы и горнастая. Эти мѣха, хотя имѣли общее для нихъ названіе *куны*, но по цѣнѣ они между собою различались. Такъ мы видѣли, что ногата была въ 2^{1/2} раза дороже рѣзана, поэтому гривна кунъ, составленная изъ болѣе дорогихъ мѣховъ, напр. изъ ногатъ (соболей), должна была заключать меньшее число шкурокъ, чѣмъ гривна, составленная изъ менѣе дорогихъ мѣховъ, напр. изъ рѣзанъ (горностаевъ).

Такъ въ дѣйствительности и было.

Но сколько въ гривнѣ заключалось ногатъ, рѣзанъ, и кунъ? объ этомъ русскіе историки и изслѣдователи судятъ очень различно, поэтому я сначала представляю собственное изслѣдованіе о числительномъ составѣ нашихъ древнѣйшихъ гривенъ-кунъ.

Судя по I части Русской Правды во времена Ярослава I и ранѣе, въ единой и нераздѣльной Россіи существовалъ только одинъ видъ гривны-кунъ, числительный составъ которой указанъ въ самой Русс. Правдѣ, именно въ ст. „О татѣбѣ“, „Уроки скоту“. Въ этой статьѣ помѣщена слѣдующая разцѣнка домашнимъ животнымъ:

За княжь конь 3 гривны.

За пного коня 2 гривны.

За кобылу 60 кунъ.

За вола гривна.

За корову 40 кунъ.

За третьякъ 30 кунъ.

За лонщину полугривна¹⁰.

Если разсмотримъ внимательно эту расцѣнку, то увидимъ: а) правильную систему постепеннаго перехода цѣнъ отъ самой дорогой къ менѣе дорогой, потомъ еще къ менѣе дорогой, и т. д., причемъ б) волю, оцѣненный въ одну гривну, поставленъ ниже кобылы, оцѣненной въ 60 кунъ, и выше коровы, оцѣненной въ 40 кунъ, изъ чего слѣдуетъ, что въ гривнѣ (цѣна вола) было меньше 60 кунъ и больше 40 кунъ, т. е. *въ гривнѣ заключалось 50 кунъ*. Далѣе в) третьякъ оцѣненъ въ 30 кунъ, а лонщина, поставленная сейчасъ же за третьякомъ, оцѣнена въ полугривну. Слѣдовательно, въ полугривнѣ было меньше 30 кунъ и больше 20, т. е. *въ полугривнѣ было 25 кунъ*, а меньше, напр. 20 кунъ, въ полугривнѣ быть не могло, на это указываетъ въ приведенной расцѣнкѣ *гривна*, поставленная выше 40 кунъ, почему половина гривны должна быть больше 20 кунъ.

Слѣдовательно, гривна состояла изъ 50 кунъ, а полугривна—изъ 25 кунъ.

А такъ какъ на составленіе гривень употреблялись не только куны, но и ногаты и рѣзаны, то необходимо еще опредѣлить: сколько въ гривнѣ заключалось ногать и сколько—рѣзанъ?

Для такого опредѣленія вышеприведенная „Расцѣнка скоту“ не годится, поэтому я снова обращаюсь къ „Расчету“ прибыли отъ домашнихъ животныхъ, и для примѣра возьму на выдержку уже извѣстный намъ расчетъ „О казахъ“.

„Отъ 22 козь на 12 лѣтъ получится приплода

90112 козь, а то кунами 27033 гривны и 30 рѣзанъ. А коза метана по 6 ногатъ“.

Въ этомъ расчетѣ приплодъ высчитанъ въ *рѣзанахъ*, коза оцѣнена *ногатами*, что даетъ возможность ариѳметическимъ путемъ опредѣлить, сколько въ гривнѣ содержалось ногатъ и рѣзанъ; для этого приведенный расчетъ выразимъ въ формѣ простой задачи, принявъ на вѣру, что гривна равна 20 ногатамъ и помня, что коза метана по 6 ногатъ;

получится слѣдующая формула:

$90112 \times 6 \text{ ногатъ} = 540672 \text{ ног.} : 20 = 27033$
гривны и 12 ногатъ.

А у составителя расчета итогъ выраженъ такъ: 27033 гривны и 30 рѣзанъ.

Сопоставивъ оба итога, мы увидимъ, что въ нихъ число гривенъ одинаковое, а поэтому и 12 ногатъ будутъ равны 30 рѣзанамъ, изъ чего слѣдуетъ, что:

1 гривна равна 20 ногатамъ, или 50 рѣзанамъ.

1 ногата равна $2\frac{1}{2}$ рѣзанамъ.

Этимъ же расчетомъ для своихъ выводовъ руководствовались Бекетовъ и Карамзинъ, и, само собой, оба они пришли къ одному и тому же заключенію.

Въ опредѣленіи сколько въ гривнѣ было кунъ получился выводъ, что 1 гривна равна 50 кунамъ. Такой же выводъ получился и для рѣзанъ, т. е. что 1 гривна равна 50 рѣзанамъ, изъ чего слѣдуетъ, что 1 куна равна 1 рѣзану.

Справедливость такого вывода для кунъ и рѣзанъ подтверждается Новгородской харатейной лѣтописью, въ которой помѣщенъ сокращенный списокъ Русской Правды; въ этомъ списокѣ, во многихъ мѣстахъ, вмѣсто

кунъ поставлены рѣзаны, напр. стоимость кобылы обозначена вмѣсто 61 кунъ—въ 60 рѣзанъ; стоимость коровы вмѣсто 40 кунъ обозначена въ 40 рѣзанъ, и т. д., на основаніи чего Бекетовъ сдѣлалъ выводъ, что куна равна рѣзану¹¹.

Изъ всего вышеизложеннаго получается такой общій выводъ:

1 гривна равнялась 20 ногатамъ, или 50 кунамъ, или 50 рѣзанамъ.

1 нога равнялась $2\frac{1}{2}$ кунамъ или рѣзанамъ.

1 куна равнялась 1 рѣзану.

Къ точно такому выводу пришелъ и Бекетовъ.

А по мнѣнію Болтина:

1 гривна равна 20 кунамъ или 80 ногатамъ или 640 рѣзанамъ.

1 куна равна 4 ногатамъ или 32 рѣзанамъ.

1 нога 8 рѣзанамъ.

„Татищевъ думаетъ, что въ гривнѣ содержалось 20 кунъ, ногатъ 120, рѣзанъ 60“¹².

Выводы Болтина и Татищева ни на какомъ изслѣдованіи не основаны, почему они должны считаться простою догадкою.

А по мнѣнію Карамзина:

Гривна равнялась 25 кунамъ, или 50 рѣзанамъ или 20 ногатамъ, слѣдовательно, онъ признаетъ куну не равной рѣзану, а вдвое дороже его.

Что гривна равнялась 25 кунамъ Карамзинъ доказываетъ слѣдующимъ соображеніемъ: въ „Вопросахъ Кирика“ положено на гривну служить 5 панихидъ, а на 6 кунъ—одну панихиду. Поэтому расчету въ гривнѣ должно заключаться 30 кунъ“. Но Карамзинъ съ этимъ не согласенъ на томъ основаніи, что „если бы въ гривнѣ было 30 кунъ, но не упо-

треблялось бы въ нашихъ лѣтописяхъ и Русской Правдѣ выраженія—60 кунъ, а говорилось бы 2 гривны“. Далѣе онъ замѣчаетъ: „если допустить, что въ упомянутомъ расчетѣ для большаго числа панихидъ сдѣлана уступка, т. е. что вмѣсто 6 кунъ, за панихиду платили только 5, то по такому расчету гривна будетъ заключать въ себѣ 25 кунъ. Въ Русской Правдѣ сказано, что зачинщикъ ссоры платитъ 3 гривны за пролитіе крови битаго, а если не будетъ знаковъ отъ битья, то платитъ только 60 кунъ. Поэтому, если въ гривнѣ 30 кунъ то слѣдовало бы сказать: платитъ 2 гривны. Изъ этого выходитъ, что въ гривнѣ заключалось кунъ меньше 30 и больше 20, т. е. 25 или около этого“¹³.

Это разсужденіе Карамзина опровергается тою же Русскою Правдою, ибо въ ст. „О татѣбѣ“ есть такое положеніе: „Аже крадутъ гумно, или жито въ ямѣ, то колко будетъ ихъ крало, то всѣмъ платитъ по 3 гривны и 30 кунъ“. Слѣдовательно, если гривна равна 30 кунамъ, то законодатель сказалъ бы просто: „платитъ 4 гривны“, а если въ гривнѣ 25 кунъ, то сказалъ бы: „платитъ 4 гривны и 5 кунъ“.

Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ говоритъ: „Судя по цѣнѣ вещей, видимъ, что гривна содержала въ себѣ около 20 кунъ, но не 20, а, безъ сомнѣнія, 25, ибо ни въ лѣтописяхъ, ни въ Правдѣ не находимъ сего числа (25) въ показаніи, ни 50, ни 75 кунъ“¹⁴.

Послѣднее разсужденіе кажется должно бы было натолкнуть Карамзина на мысль, что, если въ показаніи относительно кунъ (и рѣзанъ) нѣтъ числа 50 и 25, то это потому, что вмѣсто числа 50 писалось *гривна*, а вмѣсто числа 25, писалось *полугривна*. Вѣроятность этого замѣчанія доказывается вышесприве-

денной „Разцѣнкой скота“, взятой изъ Русской Правды. Въ этой „Разцѣнкѣ“ показано:

За княжь конь 3 гривны.

За инаго коня 2 гривны.

За кобылу 60 кунъ.

За вола гривна (т. е. 50 кунъ).

За корову 40 кунъ.

За третьяка 30 кунъ.

За лонцину полугривна (т. е. 25 кунъ).

Эта выписка сама за себя говоритъ и ясно указываетъ, почему въ показаніяхъ нѣтъ чиселъ 50 и 25. Если же нигдѣ не встрѣчаемъ въ показаніи для кунъ и рѣзанъ цифры 75, то это потому, что нигдѣ не встрѣчается предмета, который былъ бы оцѣненъ въ *полторы гривны*. Впрочемъ, если бы такой предметъ нашелся, то по системѣ счисленія того времени, это было бы выражено такъ: „*поль двѣ гривны*“, а не цифрой 75, напр. въ „литрѣ малыхъ *поль двѣ гривенки*“, т. е. $1\frac{1}{2}$ гривенки.

Ко всему этому остается еще добавить, что гривна-кунъ состояла изъ двухъ полугривенъ, Бекетовская гривна (она же и моя),—будетъ ли она состоять изъ ногатъ, или рѣзанъ, или кунъ,—даетъ полугривны, т. е. дѣлится на два безъ остатка, а Карамзиновская гривна въ 25 кунъ на равныя половины не дѣлится, почему не даетъ *полугривенъ*.

Это замѣчаніе окончательно опровергаетъ мнѣніе Карамзина и твердо устанавливаетъ мнѣніе, что во времена Ярослава I, и ранѣе, гривна кунъ состояла изъ 20 ногатъ, или 50 кунъ, или 50 рѣзанъ.

Но въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка въ Россіи числительный составъ старой, Ярославской, гривны-кунъ былъ измѣненъ: гривна-кунъ мѣстами

стала называться *сорочкомъ*, что указываетъ, что такая гривна состояла уже изъ 40 кунъ; къ этому же времени относится извѣстіе о „*Волжской гривнѣ*“, *Смоленскихъ кунахъ*, *кунахъ новыхъ*, *старыхъ*, *ветхихъ* и о *новой гривнѣ*, все это указываетъ, что однообразіе въ составѣ гривенъ-кунъ было нарушено. Вотъ, вѣроятно, къ одной изъ такихъ новыхъ гривенъ-кунъ изслѣдованія и выводы Карамзина будутъ приложимы, ибо онѣ, главнымъ образомъ, основаны на „*Вопросахъ Кирика*“, письменномъ памятникѣ XIII вѣка.

Эти новыя, разныхъ наименованій, *гривны* и *куны*, а также причины, вызвавшія ихъ появленіе, мною будутъ разсмотрѣны во II части моего труда, теперь же, въ заключеніе сей главы, повторю, что во времена Ярослава I, и ранѣе, шкурки куницы, соболя и горностая изображали собою деньги, причемъ каждая изъ этихъ шкурокъ имѣла свое особое названіе: шкурка куницы называлась *куной*, шкурка соболя—*ногатой*, а шкурка горностая—*рѣзаномъ*, общимъ же для всѣхъ ихъ названіемъ было—*куны*, поэтому гривны, составленныя изъ *ногатъ* или *рѣзанъ*, назывались не гривна-ногатъ и не гривна-рѣзанъ, а *гривной-кунъ*, или просто *гривной*.

Глава VII.

Что такое векша или вѣверица? Сравнительная цѣна векши. Щяги.

Кромѣ гривенъ-кунъ,—представлявшихъ собою высшую денежную единицу,—и кунъ одинцовъ, служившихъ денежными знаками меньшей цѣнности и какъ бы размѣнною монетою для гривенъ, въ древней Россіи еще находились въ обращеніи денежные знаки *векши* или *вѣверицы*. Пока мы видѣли ихъ въ Русской Правдѣ, а позже увидимъ,—но только *векшу*,—въ торговыхъ договорахъ и другихъ государственныхъ актахъ, напр. въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригю 1229 года есть такое постановленіе: „Аже Латинский купить гривну серебра дати ему вѣсцу двѣ *векши*“ и т. д. Упоминается векша и въ позднѣйшихъ актахъ и договорахъ, а послѣднее извѣстіе объ ней находимъ въ договорной грамотѣ Великаго Новгорода съ Велик. княземъ Іоанномъ III (1471 г.); въ ней постановлено: „...а отъ воза имати мыта по двѣ *вѣкши*“.

Въ полномъ значеніи ходячей цѣнности векша является въ чинѣ погребенія братіи по Уставу Студійскому, въ которомъ положено: „свѣщи въ единому векшу“¹.

Но что такое представляла собою *векша*? была ли она цѣльною шкуркою, или только частью шкурки, т. е. лоскуткомъ, или металлической монетою, на

эти вопросы мы прямыхъ отвѣтовъ не находимъ. Но если во времена Ярослава I, и ранѣе, денежные знаки, называвшіеся кунами, представляли собою цѣльныя шкурки, то, по аналогіи съ ними, и векша также должна быть ни чѣмъ инымъ, какъ цѣльною шкуркою, на что мною уже указано въ IV главѣ.

Поэтому денежный знакъ, носившій названіе *векши* или *въверицы*, несомнѣнно былъ цѣльною шкуркою звѣрька, который, надо думать, на сѣверѣ назывался *въверицей*, а на югѣ — *векшей*, *вѣкшицей*. Такъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 859 годомъ читаемъ: „Имаху дань Варязи изъ за-морія... отъ мужа по *бѣль въвериць*; А Козаре... по *бѣль векшиць* отъ дыма“. Здѣсь бѣлая въверица и бѣлая векшица, чрезъ прибавленіе слова *бѣлая*, означаютъ горностая, а безъ слова *бѣлая*, означаютъ: для юга—обыкновенную *векшу*, а для сѣвера—въверицу, которая съ XI или съ XIII вѣка также стала называться векшей, ибо о въверицѣ, какъ о денежномъ знакѣ, въ государственныхъ актахъ уже болѣе не упоминается.

Нѣкоторые же предполагаютъ, что мѣхъ векши, смотря по времени года—лѣтній, зимній,—назывался то векшей, то въверицей.

Карамзинъ и позднѣйшіе изслѣдователи относительно векши и въверицы въ своихъ обобщеніяхъ идутъ и гораздо дальше. По ихъ мнѣнію, названія: векша, вѣкшица, въверица, бѣлка, бѣла, бѣль всѣ однозначущи и означаютъ современнаго намъ звѣрька векшу или бѣлку. Но такое объединеніе столь различныхъ названій,—изъ коихъ половина указываетъ на звѣрька съ *бѣлымъ мехомъ*,—есть ошибка, которая, вѣроятно, произошла оттого, что мы въ настоящее время векшу называемъ *бѣлкой*. Но векша маленькій

звѣрекъ рыже-краснаго цвѣта съ бѣлымъ брюшкомъ, а послѣ линянія, зимою, векша становится пепельно-сѣраго цвѣта; слѣдовательно *векша никогда не бываетъ бѣлой*, если же ее въ настоящее время зовутъ *бѣлкой*, то это указываетъ, что названіе *бѣлка* перенесено на векшу въ болѣе позднѣе время съ другаго звѣрка, съ которымъ ее когда-то смѣшивали и который наконецъ получилъ свое настоящее имя². И дѣйствительно, въ старину, — какъ намъ уже пзвѣстно, векшу смѣшивали съ горностаемъ, на что указываетъ его древнѣйшее названіе: *бѣлая векица* и *бѣлая вѣверица*.

А поводовъ для смѣшиванія векши съ горностаемъ, или наоборотъ, горностая съ векшей, было достаточно. Горностай, почти при равной величинѣ съ векшей, жилъ, какъ и векша, въ лѣсахъ на деревьяхъ, причемъ не всегда бывалъ чисто-бѣлымъ, ибо, съ началомъ таянія снѣговъ, горностай становится грязновато-бѣлымъ, а къ лѣту его мѣхъ на брюшкѣ становится желтовато-бѣлымъ, какъ бы подпаленымъ, почему такой мѣхъ иногда называли „подпаль“.

Что же касается вѣверицы, то нужно признать, что векша и вѣверица есть названія однозначія, а какъ денежные знаки, — равноцѣнные, на это указываетъ Русская Правда, въ нѣкоторыхъ спискахъ которой вирникъ беретъ „по 12 векошь“, а въ другихъ, — по „12 вѣверицы“ и т. д.

Относительно природы денежнаго знака векши или вѣверицы, которую въ большинствѣ случаевъ называютъ *бѣлкой*, мнѣнія изслѣдователей сильно расходятся; такъ:

Болтинъ думаетъ, что „вѣверица есть названіе монеты“³.

Татищевъ векшу признаетъ за кожаный лоскутокъ,—увѣряя, что онъ видѣлъ сіи древніе лоскутки въ Новѣгородѣ⁴.

Карамзинъ говоритъ: „Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурками звѣрей куницъ и *бѣлокъ*... Скоро неудобность носить съ собою цѣльные шкурки для купли подаде мысль замѣнить оныя мордками и другими *лоскутками* кунными и *бѣлыми*“⁵.

С. Соловьевъ буквально слово-въ-слово повторяетъ сказанное Карамзинымъ⁶.

Пр. Прозоровскій: „Векша была *мѣдяница*, столь же ничтожная, какъ византійская нумія“⁷.

Вообще же современные взгляды на денежный знакъ векшу или бѣлку энциклопедическій словарь такъ резюмируетъ: „Послѣ долгихъ колебаній, считать ли бѣлку за шкуру, служившей монетной единицей, или за серебряную монету, названную такъ по цвѣту,—установлено: что *бѣлки*—*шкурки бѣлокъ*, служащія мѣновой цѣнностью...“⁸.

Векша вошла въ нашу древнѣйшую денежную систему, вѣроятно, въ слѣдствіе потребности въ денежныхъ знакахъ меньшей цѣны, чѣмъ куна, причемъ малый вѣсъ, незначительный объемъ и повсемѣстное распространеніе векши, уподобляли ее монетѣ, ибо, благодаря ея объему и вѣсу, векшу удобно было носить и передавать изъ рукъ въ руки, а также и перемѣщать даже на очень большія расстоянія. Иноземцы мѣхъ векши,—какъ и вообще всякій мѣхъ,—принимали очень охотно, почему векша или бѣлка въ громадномъ количествѣ изъ Россіи вывозилась за границу.

Относительно векши можно сказать, что она во времена Ярослава I, и ранѣе, представляла собою са-

мый дешевый, недѣлимый денежный знакъ, почему цѣна ее была самая ничтожная, на это указываютъ разные списки договорной грамоты Смоленска съ Ригю 1229 г. Въ одномъ спискѣ сказано, что нѣмецъ, продавъ гривну золота, не даетъ „ничего“; а въ другомъ спискѣ, вмѣсто слова „ничего“, поставлено— „*ни векши*“.

Но не смотря на ничтожность цѣны векши, она все таки должна была имѣть свой курсъ по отношенію къ другимъ русскимъ денежнымъ знакамъ. Карамзинъ говоритъ:— „Сколько векшъ было въ кунѣ?— не знаю, но не болѣе 10; издатель Русской Правды (Болтинъ) полагаетъ въ гривнѣ 400 векшъ, а Татищевъ 380“⁹.

Бекетовъ въ 1 кунѣ считаетъ 18 векшъ, слѣдовательно въ гривнѣ,—которая равнялась 50 кунамъ,—векшъ заключалось—900¹⁰.

Я же полагаю, что есть указанія, на основаніи которыхъ можно сказать, что:—

20 векшъ равнялись 1 кунѣ, а

1000 векшъ равнялись 1 гривнѣ.

Эти указанія таковы:

1) Въ Русс. Правдѣ постановлено вирнику давать по 12 векшъ; изъ этого можно сдѣлать выводъ, что въ кунѣ было болѣе 12 векшъ,

2) Въ такъ называемомъ Дрееровскомъ договорѣ,—который, по мнѣнію Карамзина, относится къ XIII вѣку,—есть постановленіе: „...гость платитъ вѣсовщику *9 векшей съ капи*“ (9 Schin de Cap). А въ Смоленскомъ договорѣ 1229 г. постановлено: вѣсцу платитъ „*съ двухъ капи одну куну*“.

Сравнивая въ этихъ договорахъ приведенныя

здѣсь вѣсовыя пошлины, получимъ выводъ, что *18 векшъ равнялись 1 кунѣ*.

На основаніи этого сравненія Бекетовъ пришелъ къ заключенію, что 1 куна=18 векшамъ.

Но откуда такой странный счетъ *по 18*, сейчасъ увидимъ.

3) Въ XV вѣкѣ, когда горностаи получилъ свое настоящее имя, то его прежнюю кличку *бѣлка*, *бѣль* перенесли на векшу, которая до настоящаго времени такъ называется, хотя никогда не бываетъ бѣлой. Объ этихъ бѣлкахъ Герберштейнъ, жившій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 годахъ, пишетъ: „Въ Россіи бѣльчи шкурки продаются связками по 10 штукъ вмѣстѣ. Въ каждой связкѣ двѣ самыхъ лучшихъ шкурки называются личными, три нѣсколько по хуже—красны, четыре—покрасны, а послѣдняя, десятая, хуже всѣхъ“¹¹. А такъ какъ правительственная сортировка для мѣховъ имѣла *только три сорта*, то надо думать, что десятая шкурка, *худшая изъ плохихъ у ничего нестоющей векши*, въ счетъ не шла, вслѣдствіе чего связка векшъ въ 10 шкурокъ *считалась за 9 векшъ или бѣлокъ*, а двѣ такихъ связки—за 18 векшъ, а поэтому 10 такихъ связокъ считались не за 100 векшъ, а только за *90 векшъ* или бѣлокъ.

На такой счетъ—десять шкурокъ, за девять,—въ древней Россіи указываютъ: часто упоминаемая въ Русской Правдѣ пеня въ 9 векшъ, вѣсовая пошлина въ 9 векшъ, и выводъ изъ сравненія вѣсовыхъ пошлинъ, что 18 векшъ равны 1 кунѣ.

Если всѣ эти соображенія справедливы,—то векша,—сдѣлавшись только товаромъ, должна была въ мелочной торговлѣ, гдѣ она обращалась разсортированной въ десятки, считаться не сотнями (10 свя-

зокъ по 10 векшъ въ каждой), а по девяносту (10 связокъ, каждая со счетомъ по 9-ти). А въ оптовой торговлѣ,—гдѣ векша принималась и сдавалась не разсортированной,—она должна была считаться *тысячами*, ибо у неразсортированной векши *всѣ шкурки въ счетъ принимались*.

Такъ въ дѣйствительности и было! въ этомъ убѣждаетъ насъ иноземецъ Герберштейнъ и письменные памятники XV и XVI вѣка.

Герберштейнъ пишетъ: „у Русскихъ для мѣховъ употребляется такой способъ счисления: по сороку и по девяносту; считая, они повторяютъ: два сорока, три сорока, и т. д., или *два девяносто, три девяносто* и т. д.¹²“

Мы знаемъ, что счетъ по сороку относился къ бывшимъ кунамъ: соболу, куницѣ и горностаю, а счетъ „по—девяносту“, вмѣсто ста, можетъ быть счетомъ только для разсортированной векши или бѣлки; въ оптовой же торговлѣ и вообще въ приемѣ большихъ партій неразсортированная векша или бѣлка считалась *тысячами*.

Такъ въ Новгородской лѣтописи подъ 1425 годомъ читаемъ, что Новгородцы ходили ратью къ Устюгу: „и взяша на нихъ, Устюжанахъ, окупъ 50000 бѣлки и 6 сороковъ соболей“ (ꙗ бѣлки и ꙗ сороковъ соболей).

Въ Уставной грамотѣ 1586 года постановлено брать пошрины съ „1000 бѣлки шуванскія и устюжскія по 4 деньги, а съ 40 соболей добраго, средняго и плохаго по алтыну, а съ 40 куницъ по 2 деньги,¹³“

Въ Русской торговой книгѣ поручается: „...бѣлки продати за 1000 по 40 ефимковъ..., а куницы за 40 штукъ по 40 ефимковъ...“¹⁴ и т. д.

Въ этихъ примѣрахъ для *неразсортированной* бѣлки или векши вездѣ счетъ ведется на *тысячи*.

Ко всему вышеизложенному считаю необходимымъ добавить еще слѣдующее соображеніе: Въ Московской Руси, до введенія собственной металлической монеты, *куны*, т. е. гривны-кунъ и куны единцы, въ одно и тоже время и были *денежными знаками* и *товаромъ*; поэтому, когда у кунъ было отнято значеніе денегъ, то они остались только товаромъ, но съ прежней своей кунной организаціей, почему куны въ торговлѣ продолжали обращаться и въ *прежнемъ своемъ видѣ* и съ *прежнимъ своимъ счетомъ*. Такъ соболю, куница и горностай, — составляя нѣкогда гривны или сорочки, — сдѣлавшись только товаромъ, продолжали обращаться *связками со счетомъ по сороку*.

Почти тоже самое случилось съ векшей или бѣлкой.

Векша въ княжескую казну поступала большими партіями, неразсортированной. Въ такихъ партіяхъ каждая шкурка шла въ счетъ, а счетъ велся тысячами.

Послѣ сортировки изъ векшъ составляли связки по 10 шкурокъ въ каждой, причемъ одна изъ шкурокъ, самая плохая, въ счетъ не принималась. Каждая такая связка представляла собою денежный знакъ, по цѣнѣ равный $\frac{1}{2}$ кунѣ, и хотя она состояла изъ 10 шкурокъ, но считалась за „9 векшъ“. А двѣ такихъ связки, по цѣнѣ равнявшіяся 1 кунѣ, считались за 18 векшъ. Ясно, что и десять такихъ связокъ должны были считаться не за *сотню*, а за *девяносто*.

Поэтому, когда въ XV вѣкѣ векша въ отдѣльныхъ шкуркахъ и въ связкахъ потеряла значеніе денегъ, и сохранила значеніе только товара, то, по жи-

вучести многовѣковыхъ обычаевъ, она въ торговлѣ продолжала обращаться связками, состоящими изъ 10 шкурокъ, но такія связки, какъ и до XV вѣка, продолжали считаться за „9 векшъ“ или бѣлокъ, почему десять такихъ связокъ принималась не за сотню, а за девяносто шкурокъ, что удостовѣряетъ очевидецъ Герберштейнъ; онъ говоритъ, что Русскіе, при покупкѣ и продажѣ мѣховъ (векши), считая, повторяютъ: *два девяносто, три девяносто* и т. д. А не рассортированная векша, какъ и прежде, продолжала считаться тысячами.

Слѣдовательно, изъ всего сказаннаго общій выводъ будетъ такой:

Связка въ 10 векшъ, считавшаяся за девять шкурокъ, равнялась $\frac{1}{2}$ кунѣ.

А двѣ связки, т. е. 20 векшъ, считавшіяся за 18 шкурокъ, равнялись 1 кунѣ.

А такъ какъ въ гривнѣ заключалось 50 кунъ, то 1000 векшъ по цѣнѣ равнялись 1 гривнѣ-кунѣ.

Векша или бѣлка въ такомъ количествѣ представляла объемъ до крайности неудобный для носки и для передачи изъ рукъ въ руки, поэтому она на составленіе гривенъ-кунъ не употреблялась. Вообще же векша,—представляя собою самую малую денежную единицу, которую по цѣнѣ и по ея служебной роли можно приравнять къ современной намъ $\frac{1}{4}$ копѣйки,—для производства большихъ платежей не годилась, поэтому векша служила размѣнною монетою для кунъ-одинцовъ и употреблялась при самыхъ мелкихъ расчетахъ, когда требовалось произвести уплату по стоимости менѣе одной куны.

Дальнѣйшая исторія кунъ должна разсматриваться параллельно съ металлическими денежными

знаками, поэтому отношеніе кунъ къ золоту и серебру, паденіе ихъ цѣны и уничтоженіе кунъ, все это будетъ обстоятельно описано во II части моего труда.

Кромѣ описанныхъ мною „*кунъ*“, въ Русской лѣтописи мы два раза встрѣчаемъ неизвѣстный намъ денежный знакъ, подъ названіемъ *щелягъ*; именно: въ 885 году Олегъ требуетъ отъ Радимичей дань, которую они платили Козарамъ „*по щелягу*“. А въ 964 году на вопросъ Святослава: кому платите дань? Вятичи отвѣчали: „Козаромъ *по щелягу* отъ рала даемъ“,

Денежный знакъ „*щелягъ*“ обращался у Радимичей и Вятичей только во время ихъ подчиненія Козарамъ, а съ прекращеніемъ господства Козаръ, у названныхъ племенъ прекратилось и употребленіе *щеляговъ*, которые замѣнились *кунами*, повсемѣстно обращающимися въ Россіи; поэтому въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ о *щелягахъ* уже болѣе не упоминается.

Ясно, что *щелягъ* былъ не русскій денежный знакъ, а Козарскій, т. е. иноземный, а описаніе такихъ денежныхъ знаковъ въ мою программу не входитъ.

Конецъ I части.

М. С. Левшиновскій.

Примѣчанія къ I части.

ГЛАВА I.

№	Стр.
1. Истор. Россіи съ древн. временъ. Т. I. С. Соловьевъ.	1
2. Истор. Государ. Россійскаго. Т. I. Н. Карамзинъ.	2
3. Даже въ XV и XVI вѣкахъ Русскій народъ разныя пошлыны и оброки уплачивалъ предметами сельскаго хозяйства, какъ-то: хлѣбомъ разныхъ сортовъ, льномъ, солодомъ, хмѣлемъ, дровами (возами и саженьями), возами лучины, пряжей, рыбой (три невода по 20 рыбъ), „а во пчелахъ изъ меда полове“, баранами, цѣльными и частями, курами, тетеревами, зайцами, яйцами, масломъ, кочными капуста, пирогами пряжеными, калачами, шерстью (4 руна) овчинами, бѣлками и т. д.	4
Новгородскія писцовыя книги. Деревская пятинна Т. II. Изд. Арх. ком.	
4. Тіунъ,—узнавъ о прибытіи гостей къ границѣ,—обязанъ былъ за умѣренную плату доставить имъ перевозочныя средства, причемъ за безопасность гостей и за цѣлость ихъ товаровъ отвѣчали жители страны. Въ Новгородѣ (и другихъ городахъ) для гостей отводили бесплатно мѣста подъ устройство ихъ товарныхъ складовъ и жилищъ. Такія мѣста	

назывались „Гостинными дворами“. Гостямъ позволялось строить церкви, такъ въ Новгородѣ у нѣмцевъ была церковь во имя Св. Петра, а у Готландцевъ—св. Олафа. (Готландцы не называются „нѣмцами“, не указываетъ ли это, что Новгородцы и Готландцы другъ друга понимали!) Когда гостинный дворъ заширался, то никто, кромѣ княжескаго посла, не смѣлъ входить во дворъ. Если же кто осмѣливался ломать ворота или ограду двора, бросать во дворъ стрѣлы или камни, тотъ наказывался большою денежною пенею. Гость за привозимые и вывозимые товары пошлины не платилъ. Купленный и вынесенный съ гостиннаго двора товаръ—обратно не принимался. Вѣсы и мѣры гостиннаго двора могли повѣряться два раза въ году тѣми мѣрами, которыя хранились въ нѣмецкой церкви. При несостоятельности русскаго прежде всего удовлетворялись претензіи иноземцевъ. Гости между собою судились, по своимъ законамъ, у своихъ старшинъ (Oldermanno), а при столкновеніяхъ съ русскими, гость жаловался князю, а русскій—ольдерману. Гость судныхъ пошлинъ не платилъ. Убійство и оскорбленія наказывались большою денежною пенею, и т. д.

4

Эти и многія другія благоприятныя для иноземцевъ постановленія находятся въ договорахъ XIII вѣка—Смоленскомъ и такъ называемомъ Дрееровскомъ.

5. „Договоры Олега, Игоря и Святослава, какъ можно думать, переведены съ греческаго и

№	Стр.
внесены въ переводѣ въ сводъ цѣликомъ“.	
Лекціи по Русской исторіи. Н. Костомарова.	
„Въ Троицкой лѣтописи относительно договора Олега съ Греками есть такое выраженіе: „множды правосудихомъ (о мирѣ), но точію правословесно“, а въ другомъ: „простословесно“, изъ чего должно, кажется, заключить, что прежнія условія не были письменныя“.—Истр. Гос. Росс. Т. I пр. 319. Карамзинъ.	5
6. Безсудная Мстиславова грамота, или договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича (Александра) съ Ригю и Готскимъ берегомъ 1229 г.—Русск. достопамятности ч. II и Собр. Госуд. Грамотъ.	5
7. Истр. Гос. Росс. Т. I Карамзинъ	5
8. Что въ началѣ нашихъ внѣшнихъ сношеній иноземные купцы пріѣзжали къ князьямъ, а не къ Новгородцамъ или Смолянамъ, это видно изъ разсказа Нестора о убіеніи Аскольда и Дира: „И посла Олегъ ко Осколду и Дирови, глаголя сище: <i>яко гость</i> есмь..., да приидѣше къ намъ... Аскольдъ же и Диръ пріидоста къ нимъ...“.	5

Въ старину, въ Россіи, слово „гость“ означало почетное званіе. Катошихинъ (О Россіи въ царств. Алексѣя Мих.) говоритъ: „Гости бывають гостиннымъ именемъ пожалованы, какъ бывають у царскихъ дѣлъ...“.

Болтинъ слово „гость“ производитъ отъ шведскаго Gast, а редакторъ „Русскихъ достопамятностей“ Ч. II, Д. Дубенскій полагаетъ,

№	Стр.
что „Гость можетъ бытьъ отъ слова Готь, Готъ, Готфъ“.	
9. Русско-Ливонскіе акты № CLXIV и Истр. Росс. съ древн. временъ С. Соловьевъ	5
10. Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку. Прилож. XIII, изд. Арх. ком.	6
11. Эти извѣстія взяты изъ книги: „Критическ. изслѣдованія о древ. русск. монетахъ, гл. XV. Фил. Кругъ.“	6
12. Въ подлинникѣ, писанномъ по латыни: „Karolus cum Nortmannis in quatuor millium libris argenti ad pensam eorum paciscitur, et indicta per Regnum suum conlatione ad idem exsolvendum tributum...“ Ф. Кругъ, Гл. XV.	7
13. „Русская торговая книга“ И. Сахарова.	8
14. Истр. Гос. Росс. Т. I, Карамзинъ.	8
15. Русск. торг. кн. И. Сахаровъ.	8
16. Софійскій временникъ. Ч. II, П. Строевъ.	9
17. Русск. торг. книга. И. Сахаровъ.	9
18. О Россіи. Катошинъ.	10
19. Русск. торг. книга. И. Сахаровъ.	10
20. Русск. лѣтопись.	10
21. Въ „Уставѣ Вел. князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о людѣхъ и о мѣрилахъ торговыхъ“ сказано: „Погадавъ Всеволодъ съ владыкою и съ своею княгинею и съ своими бояры и съ десятию сотскими и съ сторостами: далъ есмь судъ и мѣрила иже на торгу Святѣй Богородицы въ Кіевѣ и Митрополиту, а въ Новѣгородѣ Святѣй Софїи и епископу и старостѣ Иванскому и всему Новугороду мѣрила торговая, скальвы воцаныи, пудъ ме-	

№	Стр.
довый и <i>гривенку рублевую</i> и локоть Еванскій и свой оброкъ...“	11
22. Стриковскій въ старинномъ русскомъ переводѣ. Истр. Гос. Росс. Т. I. Карамзинъ	11
23. Договоры Русскихъ князей и городовъ. № 48. Договорная грамота Вел. князя Рязанскаго Ивана Федор. съ княземъ Георгіемъ Дмитр. Галицкимъ 1433 г.	12
24. Договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыд. съ Ригюю и Готскимъ берегомъ 1229 г. §§ 28 и 34.	12
25. „Гость“ уже упоминается въ договорѣ Олега съ Греками; а въ договорѣ Игоря съ Греками уже есть такое постановленіе: „Носяху послы печати златы, а <i>гостіе</i> серебряны“ и т. д.	12

ГЛАВА II.

1. „Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ. Абу-Али-Ахмеда-Бенъ-Омаръ-Ибнъ Даста.—Д. Хвальсонъ	15
2. Критич. разыск. о древн. русск. монетахъ. Гл. XI. Фил. Кругъ	16
3. Истр. Росс. съ древн. временъ Ч. I. С. Соловьевъ	16
4. Ф. Кругъ въ примѣчаніи къ черной кунѣ пишетъ: „Адамъ Бременскій также говоритъ о <i>бѣлыхъ жуніцахъ</i> : „ <i>Bisontes capiuntur in</i>	

№	Стр.
Slavania et Ruzzia: sola vero Nordmannia vulpes habet nugas... martures albos. Крит. разыск. о древн. русск. монетахъ. Гл. XI . . .	17
5. Карамзинъ говоритъ: „первое извѣстiе о соболѣ даетъ Эбнъ Гаукаль: „Арта производить... звѣря, называемаго черною кунцею или скиѣскимъ соболемъ“. Истр. Гос. Росс. Т. I, пр. 516	17
Въ „Сказанiяхъ Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ“, въ книгѣ „Путей и Государствъ“ Абдуль Касима Мухамеда, извѣстнаго подъ названiемъ Ибнъ Гаукаля, сказано просто: „Изъ Арты вывозятъ черные соболи, черныя лисицы и свинецъ“, а о „скиѣскихъ соболяхъ“ не упоминается.	
6. Истр. Росс. съ древн. временъ Т. I. С. Соловьевъ	17
7. Подъ названiемъ „Византины“ (Byzantius, Byzantinus и т. п.) разумѣлись всѣ золотыя монеты, битыя при греческихъ императорахъ въ Константинополь или Византии. Византины начали появляться въ Запад. Европѣ со времени крестовыхъ походовъ... Съ IX по XIV ст. это была почти единственная ходячая золотая монета въ Европѣ.—Энцикл. Словарь	18
8. Въ лѣтописи подъ 964 г. читаемъ: „Святославъ ходя, возъ по себѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но по тонку изрѣзавъ конину, звѣрину или говядину, на углехъ испекъ, ядыше, ни шатра имяше...“ Такое опи-	

саніе скорѣе было бы къ лицу простаго номада, а не Великаго князя! 19

А подъ 996 годомъ въ лѣтописи читаемъ,—что дружина на пиру у Владиміра стала роптать: „зло есть нашимъ головамъ ясти деревянными ложицами, а не серебряными. И се слышавъ, Володимеръ повелѣ исковати лжицы сребряны...“

Любитель русской старины Н. Муравьевъ, говоря о маломъ распространеніи серебра въ Россіи, замѣчаетъ: „Вел. князь Св. Владиміръ вѣроятно изъ первыхъ русскихъ князей кушалъ серебряной ложкой“.

- ⁹. Критич. разѣиск. о древн. русс. монетахъ, Гл. XI. Ф. Кругъ 20
- ¹⁰. Истр. Гос. Росс. Т. I. Н. Карамзинъ 20
- ¹¹. „Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурками звѣрей...“ и т. д. Истр. Росс. съ древн. временъ; Т. I. 246. С. Соловьевъ. 20
- ¹². О цѣнностяхъ въ древней Руси. Мих. Заблоцкій 21
- ¹³.) Журн. „Народное хозяйство“. Ст. „Примитив- 21
- ¹⁴.) ные деньги“. В. В. Свѣтловскаго 2 22
- ¹⁵. Брокгаузъ и Ефронъ. Энцикл. словарь, „куны“ 22
- ¹⁶. Уставная грам. Новгород. князя Святослава 1137 г. Русск. достопр. Ч. I. V. 22
- ¹⁷. Русско-Ливонскіе акты. № 1 23
- ¹⁸. Истр. Гос. Росс. Т. V. пр. 244. Н. Карамзинъ. 23
- ¹⁹. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ и пр. Ибнъ Даста. Гл. III. § 7. Д. А. Хвальсонъ 24
- ²⁰. Ахметъ де Ту (de Tous), писавшій въ 555 г.

№

Стр.

Гиджры, т. е. въ 1160 году. Обзор. русск. денегъ и иностр. монетъ...“ Барошъ де Шодуаръ 24

Ахметъ де Ту—не будетъ ли это—Ахметъ де Туси?

21. Въ Новгород. лѣтоп. подъ 1410 годомъ читаемъ: „Новгородцы того же лѣта начаша торговати промежи себя Лобци, и Гроши Литовскими, и Артугы Нѣмецкими, а куны отложиша“. Позднѣйшіе переписчики это извѣстіе исказили до неузнаваемости, напр. вмѣсто „Лобцы“, что, какъ увидимъ ниже, означало пфенинги г. Любека, они поставили „бѣлы лобки“ и т. пд. и тѣмъ дали поводъ къ легендѣ „о бѣлыхъ лобцахъ“, „бѣлыхъ лапкахъ“ и т. пд. фантастическимъ денежнымъ знакамъ, что въ своемъ мѣстѣ мною будетъ доказано . 25

ГЛАВА Ш.

1. Павелъ Ювій, бывший въ Россіи въ XVI вѣкѣ, свидѣтельствуетъ, что Русскіе „Прежде продавали мѣха гораздо дешевле, ибо жители отдаленнаго сѣвера, по простотѣ своей, не рѣдко мѣняли ихъ на самыя дешевыя и маловажныя вещи“.—Сказаніе иноземцевъ о Россіи. Д. Герасимовъ 27
2. Статья А. Лемана въ „Отголоскахъ“ газ. „Свѣтъ“ 1902 г. № 187. 28
3. „Описаніе древней новгородской гривны и ея рублей, съ нѣкоторыми понятіями о древно-

№	Стр.
сти, величїи и богатствѣ Новгорода“. Н. Н. Муравьевъ	30
4. Примѣчаніе къ § 2 „Русской Правды“ В. Н. Татищева	30
5. Журн. „Народное Хозяйство“, ст. „Примитивныя деньги“. В. В. Святловскій 2.	31
6. Определеніе слова „гривна“ проф. Эрдмана и Коха мною взято изъ „Обозр. русс. денегъ...“ бр. де Шодуара. Ч. I. Гл. „Гривна“	31
7. На такъ назыв. Дрееровскій договоръ я часто буду ссылаться, поэтому нахожу нужнымъ дать о немъ нѣкоторыя краткія свѣдѣнія: „въ Любекскомъ архивѣ нашелся латинскій списокъ (проекта) договора Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новгородомъ, напечатанный Дрееромъ въ книгѣ Specimen juris publici Lubecensis, стр. 177. Вѣроятно, что сей любопытный трактатъ писанъ скоро послѣ времени Константиновыхъ, или около 1230 года, но дѣйствительно ли былъ принятъ Новгородцами? не думаю, ибо не находимъ въ немъ ни года, ни имени князя, посадника и тысяцкаго, которые обыкновенно означались въ Новгородскихъ грамотахъ...“ Истр. Гос. Росс. Т. III, пр. 244. Н. Карамзинъ	32
8. Русско-Ливонскіе акты № XXVII. Полоцкъ 1266 г. „А кто сии рядъ переступить..., тотъ дасть § гривенъ серебра — Grivnen Silber.	32
9. „Ни въ Русской Правдѣ, ни въ Несторовой лѣтописи нѣтъ слова о гривнахъ серебра. Т. II. 367. Истр. Гос. Росс. Н. Карамзинъ	33
10. Русская Правда есть собраніе древнѣйшихъ	

русскихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Р. Пр. до насъ дошла въ нѣсколькихъ спискахъ, которые между собою всѣ немного расходятся. Р. Пр. помѣщена въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ лѣтописяхъ, и отдѣльно въ Кормчихъ книгахъ (собрание греческихъ церковныхъ уставовъ). Древнѣйшій списокъ Русс. Пр. найденъ въ Кормчей книгѣ XIII вѣка, и хранится въ Москвѣ въ Синод. библиотекѣ. Я пользовался Русс. Пр., напечатанной: а) въ Русс. достопамятностяхъ, I и II ч. б) въ „Софійскомъ временникѣ“ Строева и в) въ Новгород. синод. лѣтописи

34

В. Татищевъ въ „Предъизвѣщеніи“ къ Русс. Правдѣ говоритъ „... Аврамій Ростовскій ... обаче многія обстоятельства достаточно увѣряютъ, что сей законъ (Русс. Пр.) за нѣсколько сотъ лѣтъ до Ярослава сочиненъ...“; упоминается еще „старобытная правда русская“...

11. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Русс. Правды есть статья „О конѣ“, слѣдующаго содержания: „А кто конь кунить, (а конь будетъ съ порокомъ), то пойдетъ къ осподарю, у кого будетъ купилъ, а тому свое *серебро* взять опять въ задъ...“. Здѣсь слово *серебро* упоминается въ смыслѣ *денегъ*. Карамзинъ эту статью, какъ *позднѣйшую вставку*, не внесъ въ свой списокъ Русс. Правды, потому что „въ истинныхъ законахъ Ярослава не упоминается о серебрѣ, монеты вездѣ выложены на куны“. Въ другомъ мѣстѣ относительно серебра Карамзинъ выражается еще опредѣленнѣе, имен-

но: „ни въ Русс. Правдѣ, ни въ Несторовой лѣтописи нѣтъ слова о гривнахъ серебра“. 35

Первое извѣстіе о гривнахъ серебра, для которыхъ общимъ названіемъ было „сребро“, или „серебро“, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1144 годомъ, т. е. почти полтора вѣка спустя послѣ составленія Русс. Правды, поэтому „сребро“, упоминаемое въ статьѣ „О конѣ“, я не внесъ въ перечень денежныхъ знаковъ, помѣщенныхъ въ I ч. Русс. Правды.

Металлическіе денежные знаки,—гривны золота, гривны серебра, рубли и полтины, будучь описаны во II ч. моего труда.

ГЛАВА IV.

1. Новгород. лѣт. по синод. хар. списку. Русск. Правда 37
2. Въ I ч. Софійск. временника, или Русской лѣтописи, изд. П. Строева, помѣщена Русская Правда, въ которую сдѣлана вставка безъ заглавія; но эту вставку, по смыслу ея статей, можно назвать „Расчетомъ примѣрнаго сельско-хозяйственнаго прибытка за 12 лѣтъ“. Начинается эта вставка статьею „О овцахъ“, за которой слѣдуютъ статьи „О козахъ“, „О свиньяхъ“ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ расчетъ прибытку отъ пчель, отъ посѣва разныхъ хлѣбовъ, отъ сѣна, и заканчивается статьею

- „О сиротѣхъ вырядкѣ“. Этотъ „Расчетъ“, безъ всякаго сомнѣнія, есть позднѣйшая вставка, впрочемъ не позже XIII в. Для изслѣдователя „кунъ“ этотъ „Расчетъ“ представляетъ громадный интересъ, ибо только онъ даетъ указанія на сравнительную цѣну ногатъ и рѣзанъ, и на числительный составъ гривенъ-кунъ, составленныхъ изъ ногатъ и рѣзанъ. 37
3. Мнѣніе о гривнѣ Шлецера и Карамзина мною взяты изъ Истр. Гос. Росс. Т. I. Н. Карамзинъ. Подъ 885 годомъ въ лѣтописи упоминаются *щляги*, а не гривны 38
4. Истр. Гос. Росс. Т. I. Н. Карамзинъ. 39
5. Критич. разыск. о деньгахъ древ. Россіи. Гл. XII. Ф. Кругъ. 39
6. Истр. Росс. съ древн. временъ. С. Соловьевъ. 41
7. Посланіе Никифора, Митроп. Кіевскаго къ Вел. кн. Владиміру Всеволод. Русс. достопам. Ч. I, ст. 3. 42
8. „Кунами назывались въ старину деньги, а скотницею казна. Болтинъ думаетъ, что надо читать „*скатница*“, и что сіе имя есть Шведское Skätt, т. е. деньги, казна, сокровище“. Истр. Гос. Росс. Т. I, пр. 477. Н. Карамзинъ. 42
9. Показаніе Константина Богр. взято изъ Истр. Гос. Росс. Н. Карамзина, а свидѣтельство Ибнъ Даста—изъ книги „Сказаніе Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Россахъ“ 42
10. По опредѣленію Болтина, слово *гость* происходитъ отъ шведскаго слова Gast, а слово—*скотъ*—отъ шведскаго слова Skatt; ниже мы увидимъ, что слово *ногата* происходитъ

№	Стр.
отъ финскаго слова <i>Nachata</i> . А такъ какъ всѣ эти слова (и вѣроятно много другихъ) въ первоначальномъ употребленіи были у Новгородцевъ, которые по сіе время въ произношеніи крѣпко намираютъ на звукъ <i>o</i> , то надо думать, что иноземныя слова: <i>гастъ</i> , <i>скатъ</i> , <i>нагата</i> и др. у Новгородцевъ перешли въ: <i>гость</i> , <i>скотъ</i> , <i>ногата</i> и пр.	42
11. Уставъ Новгородск. Кн. Святослава 1137 г. Русс. достопам. Ч. I,—V.	45
12. Сказаніе о Московіи. Герберштейнъ.	45
13. Олеарій, бывший въ Россіи въ XVI вѣкѣ: „Новое и умнож. описаніе путешеств. по Россіи и Персіи“. Вѣрность сообщаемаго имъ извѣстія подтверждается „Росписью мегкой рухляди, что съ послы отпущено къ Цесарю и въ запасъ и на приказной раеходъ и на раздачу“.	45
14. Мытныя книги. Т. III. №112.	46
15. Есть указанія, что и мѣхъ лисицы исполнялъ роль денежнаго знака, но это случилось въ XIII в.; поэтому „ <i>лисица</i> “ мною будетъ разобрана и описана во II ч. моего труда.	46

ГЛАВА V.

1. Софійск. врем. П. Строевъ. „Расчетъ“.	50
2. Примѣчанія къ Исторіи древнія и нынѣшнія Россіи. Леклерка. Т. I, стр. 230. Болтинъ.	51
3. Истр. Гос. Росс. Т. II, стр. 50. Н. Карамзинъ	51
4. О цѣнностяхъ въ древней Руси. М. Заблоцкій.	51

№	Стр.
5. Два разсужденія о кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ. М. Т. Каченовскій.	52
6. Опытъ исторіи изслѣдованія о древности монеты въ Россійскомъ государствѣ. Тим. Мальгинъ.	52
7. Истр. Росс. съ древ. временъ. Т. IV, гл. III. С. Соловьевъ.	52
8. Критич. разыск. о деньг. древ. Росс. Гл. XI. Ф. Кругъ.	52
9. „Обозрѣн. русс. денегъ...“ Бр. де Шодуаръ.	53
10. Энцикл. слов. „Куны“. Брокгаузъ и Ефронъ.	53
11. „Явилась металлическая монета, но она не вытѣснила еще мѣховъ; выраженіе: „А пять ногатъ за лисицу“ показываетъ намъ переходъ отъ уплаты мѣхами къ уплатѣ деньгами“. Истр. Росс. съ древ. временъ. Т. IV, гл. III. С. Соловьевъ	55
Такъ понимаетъ и объясняетъ С. Соловьевъ приведенное мѣсто изъ Устав. грамоты Смоленск. князя Ростислава. Во II ч. моего труда я докажу ошибочность такого пониманія и толкованія.	
12. Истр. Гос. Росс. Т. II, стр. 360. Н. Карамзинъ.	55
13. Договор. грамота Вел. князя Московскаго Дмитрія и Вел. кн. Тверскаго Михаила 1375 года. „А начнутъ твои имати передъ наши Намѣстницы, или передъ волостели, хоженного въ городѣ алтынъ, а на правду—два, а дальній ѣздъ верста по <i>рѣзани</i> , а на правду—вдвое...“	57
14. Русск. истор. библіотека. Жалован. грамоты подъ №№ 7 и 25.	60

№	Стр.
15. Ф. Кругъ, сдѣлавъ предположеніе, что бѣлая вѣверица и бѣлая векшица означали горно-стая, говорить: „по крайней мѣрѣ столь рано (въ IX в.) не нахожу я еще имени „горно-стай“. Развѣ не произошло ли оно тогда, когда сіе животное, будучи всѣми прислѣдуемо, искало убѣжища въ неприступныхъ горныхъ мѣстахъ“. Критич. разыск. о деньг. древ. Россіи. Гл. XI.	60

ГЛАВА VI.

1.) „О Россіи въ царств. Алексѣя Мих.“. Като-	62
2.) шихинъ.	63
3. Наказъ Афонасію Филиповичу Пашкову на воеводство въ Даурской землѣ. 1655 г.—Русс. истор. бібліотека. Т. XV. Сборный.	64
4. Въ XVII вѣкѣ, для продажи, <i>сороки</i> стали составлять изъ шкурокъ одного какого либо сорта. „А бываютъ сороки оболей цѣною по 300, 250, 200, 150, 100 и 80 рублей“. „О Россіи...“ Катошихинъ. Изъ приведеннаго примѣра ясно, что сороки, составленные изъ шкурокъ одного сорта, для денежныхъ цѣлей были не годны.	64
5. Устав. грам. 1586 г. № 55	65
6. Сказаніе о Московіи. Герберштейнъ.	65
7. „Обзоръ русе. денегъ...“ Бр. де Шодуаръ	66
8. Наказъ воеводѣ Пашкову (см. прим. 3).	66

№	Стр.
9. Истр. Гос. Росс. Т. I. Н. Карамзинъ.	67
10. Русск. достопамятн. Ч. II и Соф. врем. ч. I.	68
11. Къ сожалѣнiю, я съ трудами Бекетова совершенно не знакомъ; мнѣ извѣстны только нѣкоторые его выводы въ окончательной формѣ, которые я встрѣтилъ у Карамзина и Шодуара, и которые я здѣсь привожу	70
12. В. Татищевъ. Примѣч. къ Русс. Правдѣ, § 23.	70
13. } Истр. Гос. Росс. Н. Карамзинъ.	71
14. }	

ГЛАВА VII.

1. Энцикл. слов. „Векша“, Брокгаузъ и Ефронъ.	74
2. „По справедливому замѣчанiю Савельева, слово <i>бѣлка</i> показываетъ, что оно только въ позднѣйшее время перенесено на звѣря, котораго мы теперь такъ называемъ и который никогда не бываетъ бѣлымъ“ Истр. Росс. Т. I, пр. 152. С. Соловьевъ	76
3. Примѣчанiе къ Исторiи древнiя и нынѣшнiя Россiи, Леклерка. Ч. I. Болтинъ	76
4. Примѣчанiе къ § 25 Русс. Правды. В. Татищевъ.	77
5. Истр. Гос. Росс. Т. I. Карамзинъ	77
6. Истр. Росс. съ древ. временъ Т. I, стр. 246. С. Соловьевъ	77
7. } Энцикл. слов. Брокгаузъ и Ефронъ. „Въ кни-	77
8. } гѣ Иоанна Мосха „Ликъ Духовный“ <i>векшею</i>	

№	Стр.
	переведено слово „оволь“, а въ Пондектахъ Никона Черногорца византійскія фалеи и нуміи переведены словами вѣверицы, мѣдницы и векши. „И такъ векша была мѣдница, столь же ничтожная, какъ византійская нумія“ . 77
9.	Истр. Гос. Росс. Т. I. Н. Карамзинъ. . 78
10.	„Обзор. русск. денегъ...“ Бр. де Шодуаръ . 78
11.	} Сказаніе о Московіи. Герберштейнъ . . . 79
12.	
13.	Устав. Грам. 1586 г. № 55 80
14.	Русская торговая книга И. Сахаровъ . . . 80
